ПРАВО СИЛЬНОГО

ПРАВИЛА ОХОТЫ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

КНИГА 4

Михаил Капралов

Право сильного. Правила охоты. Книга 4

«Автор»
2026

Капралов М. А.

Право сильного. Правила охоты. Книга 4 / М. А. Капралов — «Автор», 2026

После возвращения из разлома Демьян рассчитывал заняться учёбой, восстановлением и собственным предприятием.Но влиятельные люди продолжают считать, что чужую силу можно купить, подчинить или забрать.В игру вступают новые противники, а следы загадочных исследований становятся всё опаснее.Среди тех, кому поручено разобраться с Демьяном, появляется женщина, способная понять его методы лучше остальных.Охота начинается. Только ещё предстоит выяснить, кто здесь добыча, а кто охотник.

© Капралов М. А., 2026
© Автор, 2026

Михаил Капралов
Право сильного. Правила охоты. Книга 4

ПРАВО СИЛЬНОГО
ПРАВИЛА ОХОТЫ
Книга 4 в серии

Глава 1. Вернулся, называется

Первое сентября я встретил в компании резиновой ленты, двух медицинских датчиков и женщины, совершенно не способной оценить моё новое положение в обществе.

— Ещё десять раз, Ильин.

— Вы же сказали восемь.

— Два вы сделали неправильно.

— Значит, у нас уже есть разногласия по бухгалтерии.

Физиотерапевт поправила очки и молча показала на моё колено. Я сделал ещё десять повторений. После девятого ногу начало подрагивать, на десятом рядом с суставом прострелило так, что захотелось высказать несколько соображений об устройстве человеческого тела. Вслух я ограничился замечанием о качестве академического обслуживания.

Майор Круглова, оставшаяся у Ладожского разлома, прислала местным медикам назначения такого объёма, будто собиралась руководить моим выздоровлением до глубокой старости. И ведь поди возрази. Стоило мне потянуться к источнику, как правая рука начинала ныть, а старое повреждение колена напоминало о себе с восхитительной пунктуальностью.

На бумаге — Адепт третьего ранга. В действительности — девятнадцатилетний инвалид на полставки, которому запретили бегать за автобусом.

В прежней жизни я работал с телом, каким располагал. Никаких красивых легенд о превращении человека в оружие. Тренировки, привычки, годы, когда ошибок не прощали. Сейчас в моей голове сохранились движения, решения и опыт. А тело, доставшееся вместе с чужими документами, периодически посылало меня нахер. Особенно обидно, когда источник в груди был способен заполнить энергией половину спортивного зала, а сустав отказывался переносить даже собственный вес с приличной скоростью.

— В боевую группу сегодня не допускаю, — сообщила врач.

— А в небоевую? Там тоже бывают достойные противники. Например, преподаватели.

— На теорию можете ходить сколько угодно. На полигон — только с письменным разрешением. Контроль через четыре дня.

Я забрал выписку и направился к выходу. Пять шагов прошёл совершенно нормально. На шестом нога подала официальную жалобу. Проклятая бюрократия добралась даже до сухожилий.

Возле лечебного корпуса меня ждали Руслан и Марфа. Оба держали стаканы с кофе. Руслан при виде моей походки отвёл глаза так старательно, что стало понятно: смеяться он собирается долго.

— Не начинай, — предупредил я.

— Даже не думал.

— У тебя лицо человека, которому только что разрешили бесплатно посещать цирк.

— Тебе выписали физкультуру для пенсионеров?

— Для выдающихся пенсионеров. Обычным такую роскошь не доверяют.

Марфа протянула стакан.

— Зато ты живой. И кофе тебе можно.

— Удивительные достижения современной медицины.

Мы пошли к общежитию. Академия за лето не изменилась. Те же светлые корпуса, охранные арки, дорожки между клумбами и такие же уверенные в собственном бессмертии первокурсники. Новые лица таращились по сторонам. Старшие выбирали себе аудиторию, компанию и людей, которым следовало объяснить устройство местной иерархии.

Я прекрасно помнил прошлую осень. Только тогда во мне был первый ранг, гораздо меньше денег и совершенно дикое желание разобраться, какие возможности предлагает здешняя магия. Теперь возможностей стало больше. И ещё появилось медицинское заключение, согласно которому не следовало проверять их слишком часто.

— У тебя уже есть предложения на вечер? — спросил Руслан.

— От похоронного бюро? Надеюсь, они потеряли мой номер.

— Марфа хочет отметить начало года. За пределами академии. Нормальный ужин, без ваших драк и чудовищ.

— Я за. Последние несколько недель меня кормили так, будто желудок подозревали в государственной измене.

Марфа посмотрела на меня сбоку.

— Только пообещай не устраивать разборок.

— Я никогда их не устраиваю. Они сами возникают вокруг меня. Возможно, притягиваются к красоте.

— К характеру, — уточнил Руслан.

— Это тоже редкое украшение.

В комнате пахло свежим бельём и пылью. Руслан успел занять половину стола учебниками, на второй половине разместил тренировочные накопители. Он оставил мою кровать нетронутой, но заботливо прислонил к стене костыль.

Я взял его, внимательно рассмотрел.

— От души?

— От сердца. Вдруг пригодится.

— А я-то думал, у нас дружба без материальных обязательств.

Костыль оказался дорогим, лёгким, с регулируемой длиной. Руслан предусмотрел даже сменные наконечники. Я положил его возле кровати. При случае попрошу у него счёт: не люблю оставаться должным, особенно людям, которые могут это использовать.

Пока они спорили о расписании, телефон завибрировал. Софья Николаевна Громова оставила голосовое сообщение: квартальная отчётность подписана; новый контракт по защитным модулям требует моего решения; ещё один партнёр очень хочет личной встречи.

Слово «очень» в исполнении Громовой означало, что человек звонил чаще, чем прилично, и никак не мог понять намёков.

— Работа? — спросила Марфа.

— Деньги. Их всегда удивительно много хочет оказаться в чужих карманах.

— У тебя своя компания, — заметил Руслан. — Кто-то должен платить людям зарплату.

— Ради этого и нанял Громову. Она прекрасно справляется с ответственными решениями. Я нужен, когда решение требуется сделать неприятным.

На экране появился защищённый вызов Егора. Я вышел в коридор.

— Ты вернулся? — спросил он без приветствия.

— Нет. На том свете научились пользоваться имперской связью.

— Я посмотрел результаты твоего обследования.

— Сочувствую. Они испортили мне неделю.

— Не об этом. Карта источника. Та, что мы нашли в материалах «НУЛЯ». После твоего третьего ранга структура совпадений стала заметнее.

— Насколько?

— Некоторые объёмные элементы повторяются. Но дата на старом документе по-прежнему не влезает ни в какие объяснения.

— Прекрасно. Хоть кто-то в нашей компании умеет оставаться загадочным.

Егор не засмеялся. С ним так бывало: человек разговаривал с архивными таблицами чаще, чем с живыми людьми. Таблицы, в отличие от меня, не пытались испортить ему настроение.

— Меня больше беспокоят результаты измерения ёмкости. Твой источник не укладывается в обычную динамику перехода рангов.

— Это я заметил ещё возле разлома. Даже успел порадоваться, пока мне не сообщили, что сухожилия к источнику в комплект не входят.

— Я хочу провести серию исследований. Без нагрузок. В лаборатории, с защитой.

— После разрешения врачей. И без приглашённых светил, желающих познакомиться с моими внутренностями поближе.

— Я никого не приглашал.

— Вот и хорошо. Продолжай не приглашать.

Я отключился и обнаружил возле лестницы двух студентов. Один узнал меня, толкнул товарища локтем. Они не успели изобразить случайное любопытство.

— Ильин? — спросил первый. — Правда, ты у Ладоги в одиночку уложил огромного монстра?

— В одиночку я там иногда ходил в сортир. И то не всегда получалось безопасно.

— Но тебе же дали третий ранг?

— Дали. Только пришлось долго убеждать приборы, что я его заслужил.

Они разочарованно переглянулись. Очень хотелось объяснить им, что звание, полученное после ранения и нескольких смертей, не обязывает рассказывать эпические истории в коридоре. Но объяснение тоже было бы лишней работой. Я предпочёл вернуться к своим делам.

* * *

Первое воскресенье после возвращения в академию я потратил с неожиданной пользой. С утра в общежитии пропало горячее водоснабжение, и несколько десятков студентов устроили возле административного корпуса совершенно мирный бунт. Мирный — по меркам наследников дворянских домов. Никого не убили, зато троим дежурным уже успели пригрозить семейными связями.

Я посмотрел на очередь возмущённых лиц и решил, что холодная вода — не самая большая проблема академии. Настоящая проблема заключалась в том, что слишком многие учащиеся считали комфорт доказательством собственной значимости.

Руслан принёс электрический чайник. Марфа — переносной нагреватель собственной сборки. Она подключила его к накопителю, и через пять минут мы получили горячую воду без обращения к императорской бюрократии.

— Вот почему инженеров нужно ценить, — сообщил я. — Они умеют делать жизнь удобной, пока остальные сочиняют жалобы.

— А ты умеешь только язвить, — сказала Марфа.

— Неправда. Ещё могу вложиться в производство такой штуки. Умный человек должен поощрять полезные таланты.

Она посмотрела на нагреватель уже другими глазами. Через час мы обсуждали возможность небольшой серии для походных условий. От разлома у меня осталась уважительная привычка к любому предмету, который способен работать без стационарной сети.

Потом пришёл Северин. Он хотел обсудить предстоящий приём и настойчиво рекомендовал выбрать более приличный костюм.

— Мой нынешний недостаточно приличен?

— Для обычного ресторана вполне. Для встречи с Костровыми нет.

— Сколько сантиметров ткани требуется, чтобы человека начали воспринимать всерьёз?

— Дело не в ткани.

— Значит, костюм не поможет.

Северин устало закрыл глаза. Я выслушал его рекомендации и всё-таки согласился. Хороший костюм приносит пользу, когда помогает сократить количество бессмысленных разговоров. Да и вид у человека, который собирается отказать влиятельному дому, должен быть соответствующий.

К вечеру вода появилась. Дежурные объявили о восстановлении системы с торжественностью военной победы. Я поинтересовался, будет ли праздничный салют. Никто не оценил.

Зато я получил список новых потенциальных заказчиков для нагревателя и приглашение на ужин от девушки с соседнего курса, которой Марфа помогла с оборудованием. Возвращение к нормальной жизни шло успешно. Если бы кто-нибудь не пытался одновременно отобрать у меня компанию, я, пожалуй, совсем перестал бы жаловаться.

* * *

На следующее утро я решил проверить городскую жизнь на предмет изменений. Это был научный эксперимент с предсказуемыми результатами: Москва по-прежнему существовала, люди продолжали тратить деньги на совершенно ненужные вещи, а девушки — смотреть на меня так, будто за внешностью приличного студента скрывается нечто интересное.

Я выбрал маленький ресторан на набережной. Хозяйка заведения, женщина лет тридцати с привычкой моментально оценивать стоимость чужих часов, узнала меня после второго визита.

— Вы давно не заходили.

— Был в отпуске. Отдыхал среди людей, которые плохо отличают туристов от еды.

— Судя по руке, отдых удался.

— К сожалению, они не принимают претензии после выселения.

Она рассмеялась, проводила меня к столу и вскоре принесла меню. Пока я выбирал между мясом и рыбой, пришло сообщение от Влады. Она спрашивала, вернулся ли я окончательно и способен ли уже ходить без медицинского сопровождения.

Я ответил честно: ходить могу, бегать пока не советуют. Врачебный надзор по-прежнему считает меня угрозой собственным суставам.

Через несколько секунд телефон пискнул.

«Ты неизлечим».

«Медики пока спорят», — написал я.

Договорились пересечься на общем студенческом вечере ближе к выходным. Влада, кажется, уже готовила новые истории об академии, а я собирался отдохнуть без обязательных разговоров о собственных приключениях.

За обедом ко мне подошёл парень из младшего дворянского рода. Я видел его однажды на приёме Северина. Он сказал, что семья заинтересована в поставках «Ильин-Теха», но хотел бы получить предварительную скидку как представитель старинного дома.

— Конечно, — согласился я. — Семейные реликвии принимаем в залог. Предпочтительно те, которые можно продать без необходимости слушать историю каждого прадеда.

Парень не оценил.

— Вы не понимаете, с кем разговариваете.

— Вот тут вы совершенно правы. Вы не представились.

Он назвал фамилию. Я не запомнил. Если потребуется, служба безопасности найдёт в реестре. Время куда дороже, чем память о каждом любителе бесплатных услуг.

После ухода дворянина официантка осторожно поставила передо мной десерт.

— Он часто так себя ведёт, — сказала она.

— Значит, его воспитатели заслужили премию за последовательность.

Девушка усмехнулась и спросила, как мне понравился ужин. Я ответил, что прекрасно, оставил приличные чаевые и отправился обратно в академию. За два часа не случилось ни единого нападения. Никаких аномальных существ. Никто не пытался купить мой бизнес или проломить череп.

Потрясающий результат. Если бы не всё остальное, я бы даже начал любить этот город.

* * *

В тот же день я получил ещё одно напоминание, что возвращение к нормальной жизни придумано людьми, которые никогда не встречались с медицинским персоналом академии.

— На лестнице не бегать, — сообщила врач, просматривая новые показатели.

— Я и не бегаю. Вы же видите, как красиво хромаю.

— И магию не применять для компенсации хромоты.

— А для компенсации отсутствия терпения можно?

Врач подняла глаза. Под ними залегли тени, достойные некроманта после недельной смены. Кажется, наше знакомство ей тоже доставляло массу удовольствия.

— Вы вернулись после травм, при которых большинство студентов ещё лежало бы без сознания. Не превращайте восстановление в соревнование с собственным упрямством.

Я не стал спорить. Слова были разумными, а разумные слова тем и отличаются от приказов богатых идиотов, что их иногда выгодно слушать.

До обеда я занимался самой унизительной деятельностью со времён пробуждения в чужом теле: учился правильно переносить вес с одной ноги на другую. Магический источник, способный вместить энергию для небольшого локального бедствия, не помогал связкам стать прочнее. Рядом семидесятилетний отставной преподаватель с протезом колена выполнял те же упражнения и справлялся заметно лучше.

— Молодёжь, — произнёс он, когда я в очередной раз остановился. — Всегда куда-то спешит.

— А старость, я смотрю, предлагает роскошный выбор: или философствовать, или не успеть к ужину.

Он засмеялся. Потом неожиданно показал мне, как ставить стопу, чтобы не нагружать повреждённое сухожилие. Способ работал. Я поблагодарил его без привычной язвительности. Профессионализм заслуживает уважения, даже если его обладатель старше местного имперского герба.

После занятий меня перехватил Руслан с двумя стаканами кофе. Один сунул мне, другой уже успел ополовинить.

— Ты снова ищешь приключения?

— Пока только подходящую лестницу без ступенек.

— То есть приключения.

Мы устроились у окна. За стеклом студенты тащили на полигон учебные щиты, спорили, кто из преподавателей страшнее, и замечательно не представляли, насколько уютна академия по сравнению с разломом. Руслан рассказывал о новых правилах командных занятий. Я слушал вполуха, пока он не упомянул, что две учебные группы хотят записать меня в состав на осенний турнир.

— Пусть сначала выяснят, способен ли я ходить без врачебных проклятий.

— Они считают, что третий ранг всё решает.

— Прекрасная новость. Надо сообщить моим сухожилиям. Может, проникнутся уважением к документам.

Руслан усмехнулся, а потом вдруг посерьёзнел.

— Ты изменился после Ладоги.

Я посмотрел на него поверх крышки стакана.

— Стал красивее?

— Нет. Раньше ты хотя бы иногда делал вид, что тебе интересно мнение окружающих.

— Значит, медицинская практика прошла успешно. Избавился от бесполезного симптома.

Он не стал продолжать. Хороший парень. Иногда даже слишком хороший, но без желания переделать меня под собственные представления о прекрасном. В компании таких людей можно было пить кофе спокойно.

* * *

Днём я успел заглянуть в административный корпус. С прошлого года там сменили охранника, но отношение к студентам осталось прежним: каждого подозревали в намерении украсть расписание, печать или всё здание целиком.

У секретаря лежала стопка бумаг для перевода на второй курс. Я подписал три документа, за четвёртый попросил пояснений. Там значилось, что студент добровольно принимает участие в дополнительных практических испытаниях повышенного риска.

— Это обязательная форма, — сказала секретарь.

— Удивительно. Добровольность, которую нельзя отменить. Вы сами читали?

Она вздохнула.

— Господин Ильин, так подписывают все.

— Не сомневаюсь. Именно поэтому мне интереснее остальных.

В итоге меня отправили к заместителю декана. Тот обнаружил, что форма устарела после июльского приказа, и выдал новую. В ней добровольность уже действительно предполагала выбор.

— Вам обязательно было устраивать целую дискуссию? — спросил он.

— Нет. Но вы так мило пытались подарить академии право распоряжаться моей тушкой, что я не удержался.

Заместитель декана посмотрел на костыль, который я прихватил на всякий случай, затем на отметку о третьем ранге.

— После Ладожской практики вы могли бы вести себя благоразумнее.

— Веду. Даже бумаги читаю до подписи. Прогресс налицо.

Он отпустил меня с выражением человека, который вынужден признать существование неприятной юридической истины.

В коридоре я столкнулся с первокурсницей, пытавшейся одновременно нести чемодан, пакет с книгами и клетку с крайне недовольной птицей. Она споткнулась о край ступени. Я придержал клетку левой рукой, чемодан сам остановился у стены.

— Спасибо! — выдохнула девушка. — А вы... тот самый Ильин?

— Блядь, да что же такое, — не удержался я. — Здесь других Ильиных в принципе не бывает?

Она покраснела.

— Простите. Просто о вас все говорят.

— Заведи более интересных знакомых. Желательно тех, кто живёт не в столовой и не в слухах.

Я поставил клетку на широкую ступень. Птица недовольно щёлкнула клювом. Ей явно не нравилась окружающая реальность. Мы с ней быстро нашли бы общий язык.

— А вы правда столько людей убили? — вдруг спросила девушка.

Вопрос прозвучал без злобы. Скорее, с тем же любопытством, с каким люди интересуются количеством набранных баллов на вступительных.

Я посмотрел на неё.

— Ты правда хочешь получить ответ от незнакомого человека прямо посреди лестницы?

— Нет, наверное.

— Умница. Пойми одну вещь: если слышишь интересную историю про чужую смерть, не обязательно делать её своей темой для знакомства.

Я обошёл её и пошёл дальше. Не ради просветления юного поколения. Просто не люблю разговаривать о работе, когда иду обедать.

В обеденном зале встретил полковника Волкова. Он приехал в академию на совещание и выглядел так, словно последние три часа объяснял чиновникам разницу между настоящей угрозой и красиво оформленной проблемой.

— Ильин. Как себя чувствуешь?

— Лучше, чем врачи считают допустимым.

— Следуй назначениям. Ты мне ещё нужен живым.

— Планы на меня есть? Польщён.

— Есть планы на людей, которые умеют думать под давлением. Но прежде хотелось бы, чтобы ты научился не калечить себя собственной магией.

— Договорились. Заодно постараюсь не калечить себя чужой бюрократией.

Волков поставил поднос и присел напротив.

— Знаешь, что Ратников написал в заключении?

— Надеюсь, без фотографий.

— «Надёжен в бою при ясной постановке задачи. Склонен к самостоятельным решениям за пределами общего порядка. Поведение не соответствует возрасту и заявленному опыту».

— Как невежливо. Мог написать, что я молод, талантлив и приятно пахну после душа.

— Это не шутка, Демьян. На такие характеристики обращают внимание.

— Тогда пусть обращают. Ни возраст, ни опыт от внимания не меняются.

Полковник какое-то время смотрел на меня. Потом неожиданно усмехнулся.

— Ратников считает, что ты в своей жизни видел куда больше, чем положено первокурснику.

— Не поверите, сколько чудес можно увидеть, если не сидеть дома перед телевизором.

— В том-то и дело. У тебя иногда ответы старого человека и реакции бойца, а паспорт студента. Не собираюсь спрашивать, откуда это взялось. Но постарайся не использовать репутацию как разрешение на любые глупости.

— С глупостями у меня и без разрешения всё прекрасно.

— Заметил.

Мы пообедали без новых откровений. После этого Волков вернулся к государственным бедствиям, а я — к реабилитации. Неплохой обмен: один снова спорит с чиновниками, другой с собственной ногой.

* * *

В тот вечер меня пригласили на закрытый студенческий ужин. Организаторы называли его встречей выпускников летней практики. В действительности за столом собрались люди, которым отчаянно хотелось сравнить собственные достижения с чужими и выяснить, чей рассказ о неприятностях звучит внушительнее.

Я пришёл из чистого исследовательского интереса. Бесплатная еда и возможность посмотреть, как подростки изображают ветеранов после двух недель на безопасном полигоне, представляли собой вполне достойное развлечение.

У входа меня остановил молодой маг с нашивкой родового факультета.

— Ильин? Вы ведь были на Ладоге?

— Были. Рекомендую не ехать, если любите хорошую погоду.

— Говорят, вы получили третий ранг в бою.

— Бывает. У некоторых в бою получается только перелом.

Он не оценил шутку и попросил рассказать подробности. Я ответил, что предпочитаю ужинать, а не проводить бесплатную лекцию о собственных травмах.

За столом сидели Руслан, Марфа и несколько знакомых с первого курса. Одна девушка принесла фотографии с летнего практикума. На них молодые маги улыбались возле аккуратных учебных мишеней. Я посмотрел на снимки и неожиданно понял, насколько разные у нас получились каникулы.

— Ты завидуешь? — спросила она.

— Конечно. Особенно состоянию ваших конечностей.

Руслан рассмеялся. Потом спросил, не хочу ли я выступить перед младшим курсом с рассказом об экспедиции. Я задумался. Из меня вышел бы отвратительный агитатор: после моей речи половина желающих добровольной практики наверняка передумает.

— Если заплатят, выступлю. И начну с того, что никакой героизм не заменит хорошего врача и нормальную подготовку.

Марфа попросила не превращать выступление в рекламу «Ильин-Теха». Я пообещал постараться. Вообще-то рекламировать можно было бы именно медицинские фиксаторы. На себе проверил их ценность с такой обстоятельностью, какой не требуется ни от одного сертификационного испытания.

Позже за стол подсел Ордынцев. Он посмотрел на мою руку, спросил о самочувствии и предложил на следующей неделе обсудить технику усиления тела.

— Без демонстраций? — уточнил я.

— Пока без них. Не хочу, чтобы ты снова оказался в палате раньше, чем закончится разговор.

— В кои-то веки мудрое педагогическое решение.

Мы договорились о встрече. Затем вечер окончательно перестал напоминать учебное мероприятие. Появилась музыка, кто-то предложил танцевать, кто-то поспорил с официантом об алкоголе. Мне стало приятно. Обычная молодёжная жизнь не требовала ни стихийной защиты, ни расчётов эвакуации.

И всё же я заметил на выходе мужчину, который слишком долго смотрел в наш зал, хотя никого из гостей явно не знал. Он отвернулся, когда наши взгляды встретились. Я запомнил лицо и номер машины у входа. Привычка. Она стоила мне меньше, чем отсутствие такой привычки.

* * *

Академия. Кабинет начальника практической подготовки.

Полковник Волков задержался после совещания. На столе перед ним лежали четыре отчёта об участниках летних программ и отдельная медицинская выписка на Демьяна Ильина.

— Вы рекомендовали допустить его к обычному расписанию? — спросил начальник подготовки, мужчина с седыми усами и привычкой выпрямлять бумаги даже во время разговора.

— К обычному теоретическому расписанию, — поправил Волков. — К нагрузкам нет. Круглова ясно указала ограничения.

— И всё же он успел получить третий ранг, провести несколько операций вне стандартной программы и вернуться с отчётом на сорок страниц. Я читал заключение Ратникова.

— Прочтите ещё раз. Особенно замечания о работе в группе.

Начальник подготовки перелистнул документ.

— Вы его знаете давно?

— Достаточно, чтобы не делать поспешных выводов.

— Ильин ведёт себя так, будто двадцать лет отработал в силовых структурах. Ни один наш первокурсник не демонстрирует такой последовательности решений. Даже выпускники военных училищ зачастую хуже ориентируются под угрозой.

Волков посмотрел на окно. Снаружи студенты торопились к корпусам, где им предстояло учиться сначала разбирать магическую форму, а потом собственные ошибки.

— Сколько лет вы служили, прежде чем перестали верить, что человек, который улыбается при проверке оружия, обязательно хороший солдат? — спросил он.

— Не сразу перестал.

— Вот и я. Ильин полезен, талантлив и умён. Но у него нет привычной для юного мага потребности оправдывать применение силы. Не надо придумывать за него ни благородство, ни скрытое раскаяние. Оценивайте то, что он делает.

— Вы считаете его опасным?

— Я считаю опасным любой инструмент, которым пользуются не по назначению. А он не инструмент. Он сам решает, когда и на кого направить собственную силу.

Полковник взял выписку.

— И ещё. Если академия решит продемонстрировать его на празднике как символ успешной практики, сначала спросите его самого. Он не оценит.

— Почему?

— Потому что обойдётся без аплодисментов и наград. И может рассказать публике правду о том, сколько человек там умерло.

Начальник подготовки опустил глаза на список потерь. Барышев, Мезенцев и ещё несколько фамилий находились в отдельной колонке.

— Пожалуй, вы правы.

— Я редко так говорю о себе, — сухо ответил Волков. — Не стоит привыкать.

* * *

В начале учебного года академия предложила студентам старших курсов пройти дополнительный норматив по работе в городских условиях. Официально приглашение относилось ко мне, Руслану и ещё нескольким добровольцам. Фактически преподаватели хотели понять, чему я научился возле Ладоги, кроме способности портить медицинскую статистику.

Площадку оборудовали в старом учебном квартале. Там стояли макеты домов, магазинов и остановок. Внутри размещались подвижные мишени, имитаторы гражданских и несколько ловушек, которые срабатывали при слишком сильном магическом воздействии.

— Здесь нельзя просто сжечь всё вокруг, — предупредил инструктор.

— Боже, какой удар по моим творческим способностям.

Руслан усмехнулся. Марфа проверила накопители, которые выдали нам для работы. На этот раз задача была почти противоположна бою в разломе: сохранить оборудование, не попасть по манекенам и выполнить маршрут с минимальными разрушениями.

На первой улице из-за угла выскочили две мишени. Я сбил одну коротким воздушным импульсом, вторую заставил упасть, подняв плитку перед её ходовой частью. Из соседнего окна показалась третья. Я не стал атаковать: рядом стоял манекен заложника. Пропустил её вперёд, отступил за угол и перехватил после смены позиции.

— Неплохо, — заметил инструктор. — Но вы слишком долго контролировали первый участок.

— Проверял, не появится ли там кто-то ещё.

— По нормативу должны были продолжать движение.

— По нормативу мишени не умеют перелезать через крыши. Жизнь иногда сложнее бумаги.

Он записал замечание, но спорить не стал. Потом неожиданно сменил маршрут и заставил нас пройти через узкий подземный переход.

Руслан удерживал основной щит, Марфа меняла режимы накопителя. Я не лез вперёд, пока не выяснил расположение боковых ответвлений. В одном из них сработала ловушка, выпустив имитатор ядовитого облака. Мы отступили на три метра и закрыли проход ледяной перегородкой, оставив вентиляцию свободной.

На выходе инструктор объявил, что норматив засчитан с замечаниями. Мы не разрушили ни одной условной жилой секции. Для меня это было почти оскорбительным достижением.

— Ты даже не пытался выиграть быстрее, — сказал Руслан.

— А зачем? Нам платят за результат, не за количество красивых взрывов.

Он посмотрел и неожиданно кивнул. После Ладоги понимал меня лучше, хотя по-прежнему не разделял большую часть моих взглядов на чужую жизнь.

* * *

Вечером нас собралось пятеро. Руслан, Марфа, Северин Платонов, Станислав Ордынцев и я. Северин выглядел хорошо отдохнувшим, хотя жаловался, что его летняя программа на Западном полигоне оказалась скучнее, чем обещали. Для аристократа, способного назвать работу с экспериментальным защитным комплексом скучной, у него было удивительно здоровое отношение к риску.

Ордынцев пожал мне руку аккуратно, почти без усилия. С таким вниманием обычно обращаются либо с ранеными, либо с дорогим фарфором.

— Как нога? — спросил он.

— Продолжает пользоваться привилегиями. От обычной работы освобождена.

— Когда вернёшься на полигон, сообщи.

— Хочешь взять реванш?

— Хочу проверить, что ты выучил за лето.

— Зачем сразу портить дружеский ужин угрозами?

Столик находился на втором этаже ресторана с видом на освещённый бульвар. Здесь подавали мясо правильной прожарки и не спрашивали, почему посетитель отказывается от комплексного обеда. Я заказал стейк, салат и хорошее красное вино. Врач не запрещала спиртное категорически, но советовала не совмещать с лечением. Пришлось ограничиться одним бокалом. Ненавижу компромиссы, особенно навязанные здоровьем.

Разговор шёл о занятиях, расписании, факультетских соревнованиях и людях, которых летом успели назначить на слишком ответственные должности. Марфа рассказывала, как её группа собирала накопитель с новым распределением нагрузки. Северин раздражался из-за того, что руководство полигона не допустило его к испытаниям наиболее интересного образца. Ордынцев молча ел и время от времени задавал вопросы точнее, чем остальные.

— Ты правда оставил там несколько человек? — спросил он, когда разговор коснулся Ладоги.

— Нас оттуда вернулось меньше, чем отправлялось, — сказал я.

— Я читал сводку.

— Тогда знаешь ответ.

Ордынцев не стал расспрашивать дальше. За это я ценил его куда выше многих любителей сочувственных лиц. Если человек хочет узнать детали, он может запросить боевой отчёт. Я же приехал ужинать, а не работать экскурсоводом по чужим могилам.

— А про Мезенцева? — тихо спросил Руслан.

— Хороший разведчик. Погиб, когда нас прижали у станции.

— Тебе было с ним нормально работать?

— Очень. Не путал инструкции с молитвами. И не тратил время на героические обещания.

Руслан кивнул. На том разговор закончился. Мне понравилось.

Когда я вышел на улицу подышать, возле ресторана стояли два автомобиля. В одном сидел водитель, в другом — мужчина в дорогом пальто, смотревший в телефон. Он поднял глаза ровно в тот момент, когда я появился у двери. Мелочь. Такое бывает. Только его взгляд задержался на моей правой руке, потом на колене, затем на лице.

Случайный прохожий не оценивает чужие травмы в таком порядке.

Я посмотрел на номер машины. Московская регистрация, свежая рамка дилерского центра, колёса после недавней мойки. Мужчина отвёл взгляд, словно увидел совсем не то, что хотел. Я вернулся в ресторан и попросил официанта передать на стойку, что возле входа клиенту понадобилась помощь с поиском такси.

Через минуту охранник вышел наружу. Машина уехала.

Ничего смертельного. Просто кто-то интересовался моей персоной. После приключений с «Серой кромкой» Москва отучила меня считать постороннее внимание комплиментом.

— Что там? — спросил Ордынцев, когда я сел.

— Поклонник. Скромный. Даже автограф не попросил.

— Ты его знаешь?

— Пока нет. А хотелось бы.

Он посмотрел на меня немного дольше, чем требовалось. В его глазах промелькнуло понимание. Не всего, разумеется. Достаточно, чтобы не спрашивать при остальных.

Позже мы разошлись у академических ворот. Марфа утащила Северина спорить о каких-то накопителях, Руслан пошёл за учебниками, Ордынцев отправился на ночную тренировку. Мне предстояло пройти до общежития с той скоростью, которую позволяла нога.

У самого входа позвонила Громова.

— Демьян, простите за поздний звонок. Завтра хотела бы показать вам предложение «Ориона». Они настойчивы.

— Насколько настойчивы?

— Настолько, что их представитель сегодня уточнял, вернулись ли вы из разлома и можете ли самостоятельно передвигаться.

Я остановился.

— Фамилия?

— Коршунов. Михаил Андреевич. Управляющий специальными контрактами.

— Мило. Заботливый человек. Сначала интересуется моим здоровьем, потом, наверное, предложит купить компанию по цене инвалидного кресла.

— Документы выглядят аккуратно. Условия — нет.

— Тогда завтра посмотрим, сколько стоит его аккуратность.

Я завершил разговор и поднялся по лестнице. На третьем пролёте колено снова заболело. И всё же настроение было хорошим.

Академия, друзья, еда, деньги. Почти образцовая жизнь.

И какая-то новая сволочь уже пытается испортить её, даже не успев представиться.

Что ж. Начало учебного года обещало быть занимательным.

Глава 2. Вежливое предложение

В офисе «Ильин-Теха» меня встретили кофе, свежим ремонтом и человеком, который привык носить стоимость небольшого автомобиля на запястье.

Он сидел напротив Громовой, положив на стол тонкую папку. Мужчина лет сорока пяти, гладко выбрит, седина у висков уложена с такой тщательностью, будто проходила отдельное согласование с юристом. При моём появлении поднялся. Улыбнулся.

— Демьян Ильин? Михаил Коршунов. Очень рад наконец познакомиться.

— Взаимно. У меня вчера возникли подозрения, что вы переживаете за моё здоровье сильнее родной матери.

— Простите?

— Спрашивали, могу ли самостоятельно ходить. Хожу. Медленно, но охотно. При необходимости даже до двери провожу.

Громова не улыбнулась. Это говорило о том, что она уже изучила папку и предпочитала не тратить приятные эмоции попусту.

— Наши специалисты уточняли график вашего возвращения, — произнёс Коршунов. — Никакого иного смысла.

— Великолепно. Значит, обошлось без материнской заботы. Что предлагаете?

Он раскрыл папку. На первой странице значился проект договора о стратегическом сотрудничестве. Дальше шли таблицы, графики, прогнозы и перечень обязательств, который быстро испортил мне настроение. Деньги на бумаге были хорошие, даже очень. Особенно если закрыть глаза на пункт, где «Орион» получал исключительные права на дальнейшее развитие нескольких наших модулей.

Я перелистнул страницу.

— Это что?

— Рамочное соглашение на использование интеллектуальной собственности.

— Прекрасное выражение. Только у меня складывается впечатление, что вы предлагаете купить всю мастерскую, не заплатив за здание.

— Никакой речи о покупке компании нет. Мы расширяем ваши производственные возможности. Наше объединение обладает доступом к сырью, лицензиям и рынкам, которые небольшой независимый изготовитель получить не сможет.

— Может, и не сможет. А может, получит без вашего дружеского удушения. Давайте к следующему пункту.

Я постучал по строке с обязательными аудитами. Инспекторы «Ориона» должны были получить право посещать лаборатории, проверять опытные образцы и знакомиться с рабочей документацией.

— Это стандартная практика, — заверил Коршунов.

— Для колонизации?

— Для контроля качества.

— Вы не поверите, но мы и без вас умеем отличать исправный накопитель от дымящегося. Мне нравится ваше предложение только в той части, где деньги переходят в нашу пользу. Остальное можно оставить для людей, которые слишком устали читать документы.

Громова подтолкнула мне другую папку. Составленный её юристами ответ занимал три страницы. Там были наши условия: поставка ограниченной партии готового оборудования, без передачи конструкторской документации, без эксклюзивных прав, с полной оплатой и внешним контролем исключительно сертифицированных образцов.

Коршунов прочитал первую страницу и слегка изменился в лице.

— Полагаю, здесь есть пространство для переговоров.

— Разумеется. Вы можете добавить ноль к цене. Вряд ли поможет, но настроение улучшит.

— Господин Ильин, вы молодой предприниматель. Иногда разумнее использовать поддержку крупной структуры, чем пытаться доказать самостоятельность.

— А иногда разумнее зарабатывать собственные деньги и не отдавать половину бизнеса людям с приятными зубами.

Он выдержал паузу. Профессионал. Не хлопнул папкой, не пригрозил немедленно разорить компанию и даже не назвал меня мальчиком. Подобные люди обычно доставляли больше хлопот, чем честные бандиты. Бандит мог ошибиться, потянуться к оружию, закончить разговор. Этот предпочитал поставить подпись в месте, где тебя потом годами будут доить совершенно законно.

— Вы понимаете, что этот рынок зависит от решений профильных ведомств? — сказал он наконец.

— Конечно. Именно поэтому у нас есть лицензии, аккредитованная лаборатория и Громова. Видите, как хорошо устроен мир? Я занимаюсь неприятными вопросами, она — всеми остальными.

Громова посмотрела на гостя.

— Михаил Андреевич, наш ответ окончательный в части исключительных прав. По обычным поставкам мы готовы говорить.

Коршунов закрыл папку. Встал.

— Надеюсь, ваши планы не изменятся после того, как вы познакомитесь с реальными трудностями масштабирования.

— Надеюсь, ваши тоже. Будет неловко, если крупное объединение разучится заказывать оборудование без попыток присвоить чертежи.

Мы обменялись рукопожатием. У него была сухая, сильная ладонь. Его взгляд на секунду задержался на моей правой кисти. Заметил остаточную скованность. Запомнил.

Я тоже запомнил.

* * *

Когда дверь закрылась, Громова подняла на меня глаза.

— Зачем было обострять?

— Он пришёл узнать, сколько будет стоить наше согласие. Теперь знает, что дорого.

— Он пришёл проверить, насколько вы управляемы.

— Тогда получил исчерпывающий ответ.

— Я бы предпочла ответ без намёков на физическое насилие.

— Софья Николаевна, я даже голос не повысил. Просто у человека слишком богатое воображение.

Она не стала спорить. Открыла финансовую таблицу, развернула ко мне. Компания за год выросла быстрее, чем я рассчитывал. Поставки защитных накопителей и модулей аварийного отключения приносили прибыль, инженерное подразделение начинало окупаться, новые контракты позволяли расширить производство. Но два поставщика редких материалов уже задерживали подтверждения на следующий квартал.

— Полагаете, совпадение? — спросил я.

— Пока не знаю. С одним из них мы работаем полгода. Сегодня утром он внезапно вспомнил, что обязан пересогласовать лимиты.

— Внезапная память — страшная болезнь.

— Юридический отдел проверяет. Мне нужны от вас полномочия на альтернативные закупки. Они обойдутся дороже.

Я подписал распоряжение.

— Не экономьте на безопасности людей. Если кто-нибудь начнёт давить на сотрудников лично, сразу звоните Ирине и Тихому. Вас не хочу видеть на переговорах с любителями бейсбольных бит.

— А вас?

— Меня они сами рано или поздно найдут. Только с меня вреда больше.

Громова посмотрела поверх очков.

— Иногда мне кажется, что я управляю не предприятием, а зоопарком, где директору выдали ключи от клеток.

— Рад, что вы высоко оцениваете наши трудовые отношения.

До ухода я попросил Громову показать последние договоры по сырью. Она открыла таблицу и выделила два поставщика красным. Оба ещё неделю назад обещали своевременную отгрузку, оба внезапно потребовали пересмотра условий. И у обоих в совете директоров имелись люди, ранее замеченные на проектах «Ориона».

— Совпадений многовато, — сказал я.

— Пока недостаточно для обвинения. Но достаточно, чтобы перестать считать происходящее обычной коммерческой проблемой.

— Тогда разделим работу. Вы готовите официальные претензии, открываете переговоры с альтернативными поставщиками. И отдельно — заморозка доступа к нашим чертежам для всех внешних партнёров.

— Даже прежних?

— Особенно прежних. Новые хотя бы знают, что мы им не доверяем.

Громова развернула другую страницу.

— Здесь есть предложение от складского комплекса в Подмосковье. Хотят заключить рамочный договор на логистику, но требуют доступ к внутреннему графику производства.

— Откажите. График — это карта нашего горла. Если я кому-то её и покажу, то не под расписку о неразглашении.

— Иногда вы говорите весьма неприятные вещи совершенно правильным тоном.

— Я работаю над талантом.

Потом мы пошли в переговорную к двум нашим специалистам по сертификации. Они подготовили документы по новым сериям оборудования, привезли результаты независимых испытаний и жаловались, что ведомственная комиссия задерживает одно заключение под предлогом отсутствия подписи на приложении. Подпись находилась там, где полагалось. Скан ведомства обрезал нижний край страницы.

— Прекрасно, — сказал я. — Россия остаётся мировой державой. Особенно в области отрезания нужных строчек.

Специалисты были людьми аккуратными и от души хотели решить всё письмами. Я не мешал. Только попросил копировать на юридический адрес каждое обращение и не принимать устных требований. Тому, кто привык давить через чиновника, намного сложнее работать, когда каждое слово оставляет след.

— А если задержку не снимут? — спросил молодой инженер.

— Тогда будем искать, кто её подписал. И выяснять, почему он так дорожит нашим вниманием.

Инженер кивнул. Громова подождала, пока он уйдёт, и тихо спросила:

— Вы точно не собираетесь лично являться к руководителю комиссии?

— Пока нет. Ведомство слишком скучное место, чтобы приходить туда без приглашения и приличного костюма.

— И без оружия.

— Совершенно несправедливое ограничение делового стиля.

Она впервые за утро улыбнулась.

На выходе меня остановил пожилой мастер из технического отдела, Николай Прохорович. В руках держал старый защитный модуль с треснувшим корпусом.

— Господин Ильин, можно вопрос? Это вы когда-то настояли, чтобы у всех накопителей были отдельные предохранительные цепи?

— Я настоял, чтобы люди не превращались в уголь после одного отказа. Название цепи выбирали уже умные специалисты.

— Новые заказчики просят убрать дублирование. Мол, дорого.

— Сколько экономия на штуке?

Он назвал сумму. Я посмотрел на треснувший корпус.

— А сколько стоит похоронить инженера после испытания?

Прохорович покачал головой.

— Вот и я говорю. Но в коммерческом отделе попросили расчёт.

— Передайте расчёт словами: экономить на защите не будем. Если заказчик хочет подешевле, пусть покупает красивый пустой футляр. Он тоже замечательно смотрится в каталоге.

Мастер ушёл довольный. А я подумал, что предприятие наконец становится достаточно большим, чтобы люди начали всерьёз обсуждать экономию на том, что когда-то спасло им пальцы. Прогресс, мать его.

* * *

Независимый юрист оказался человеком удивительно непривлекательным. Маленький, сухой, с тяжёлым взглядом и привычкой проверять каждую цифру дважды. Мне понравился сразу. Красота в юриспруденции обычно мешает счёту, зато уродливая внимательность способна сберечь миллионы.

Он представился Леонидом Аркадьевичем Филиным и попросил оставить на столе только последнюю редакцию предложения «Ориона».

— Здесь три ловушки, — сказал он через четверть часа. — Возможно, четыре. Четвёртая спрятана в положении о доступе к результатам испытаний.

— Перечисляйте.

Филин объяснял коротко. Если мы подписываем договор, «Орион» получает право признать любое изменение технологии производным от своей программы. Затем появляется исключительная лицензия на новые разработки. После этого компания может требовать дополнительные испытания, переносить сроки оплаты и фактически держать «Ильин-Тех» на коротком поводке.

— Выглядит законно? — спросил я.

— При желании можно защитить в суде. Годы через три.

— Неплохой срок. За это время успею дважды сменить профессию и один раз умереть.

Филин даже не улыбнулся. Великолепный специалист.

— Что предлагаете?

— Отказ в письменной форме. Одновременно фиксируем признаки давления на поставщиков. Если они начнут проверку вашей продукции, потребуем сведения о порядке отбора образцов и независимой экспертизе.

— Отлично. Громова согласует формулировки.

Когда юрист ушёл, Софья Николаевна закрыла папку и посмотрела на меня через стол.

— Иногда вы ведёте себя так, будто хотите спровоцировать их на прямую агрессию.

— Я хочу, чтобы они определились, чего добиваются. Пока это скучный театр с бумажками.

— Бумажки могут разрушить компанию.

— Именно поэтому вы получаете хорошую зарплату. У каждого своя специализация.

Она вздохнула. Потом спросила, собираюсь ли я использовать личные методы решения проблемы. Я ответил, что пока не вижу объекта для подобного разговора.

— Демьян, мне не нужны подробности, — произнесла она. — Но если ваши действия создадут уголовную угрозу предприятию, я должна понимать это заранее.

Я на секунду задумался. Отличное замечание. Она не тратила время на красивые речи. Просто защищала предприятие.

— Договорились. Всё, что может затронуть «Ильин-Тех», будете знать. Без подробностей, которые вам не нужны для работы.

Громова кивнула. Мы пожали руки.

Полезно иногда иметь дело с взрослыми людьми. Особенно если они знают, где заканчиваются их обязанности и начинаются чужие неприятности.

* * *

Громова позвонила, когда я уже собирался уходить. По тону было ясно: неприятность пока находится в пределах законодательства, но очень хочет выбраться наружу.

— Коршунов попросил наш отдел подготовить дополнительный пакет документов. Права на схемы, сведения о заказчиках и перечень опытных узлов.

— А ещё отпечатки пальцев, образец крови и ключи от квартиры не попросил?

— Формально это стандартный аудит перед большим контрактом.

— Формально голова тоже стандартная часть человека. Но не каждый вправе просить её на хранение.

Софья Николаевна выдержала паузу. Кажется, задумалась, можно ли записывать мои сравнения в протокол совещания. Я на её месте не рисковал бы.

— Подготовлю ответ. Без технической части. Попрошу объяснить коммерческую необходимость каждого пункта.

— Хорошо. И свяжитесь с независимым юристом по интеллектуальной собственности. Не нашим постоянным. Хочу увидеть, что скажет человек, которому никто из них не звонил.

Вечером мы встретились с Тихим возле небольшого кафе на Садовом кольце. Он принёс распечатку перечня фирм, через которые «Орион» оформлял закупки. Подрядчики сменялись быстрее, чем студентки академии меняли кавалеров на зимнем балу.

— Здесь несколько знакомых названий, — сказал Тихий. — После истории с «Серой кромкой» они пропадали из поля зрения.

— Те же владельцы?

— Не полностью. У двух сменился директор. Один погиб, второго проверяют.

Я пролистал документы. Пахло не тайным заговором мирового масштаба, а старой доброй жадностью, доведённой до промышленного стандарта. Мне такая мотивация была понятна.

— С ними пока не работай силой. Нужна карта платежей, а не новые похороны. Но если полезут к сотрудникам — действуй.

— Понял.

— Ирина знает?

— Передал.

Я заказал мясо и полчаса наслаждался заслуженным ужином. За соседним столиком двое дворян обсуждали строительство нового загородного дома, будто вопрос о цвете бассейна имел государственное значение. Один называл себя потомственным покровителем искусств, второй жаловался на падение нравов.

Блядь, как же удобно жаловаться на нравы, когда официант приносит счёт не тебе.

Тихий заметил мой взгляд.

— Что?

— Ничего. Считаю, сколько стоит родовая честь в пересчёте на устриц.

На выходе нас остановил молодой курьер. Передал Громовой через меня запечатанный конверт с официальным запросом. На обратной стороне красовался знак одной из структур «Ориона».

— Быстро работают, — отметил Тихий.

— Ещё бы. Если бы они с такой скоростью производили нормальные накопители, я, возможно, захотел бы с ними сотрудничать.

Открыл конверт в машине. Внутри лежало уведомление о внеплановой проверке партии оборудования, которую мы ещё даже не отправили заказчику. Причину указывали расплывчато: сведения о потенциальной нестабильности.

Я позвонил Громовой.

— Теперь у нас есть их первое нарушение. Проверка инициирована до поступления партии. Сохраните время уведомления и дату оформления.

— Уже сохранила.

— Вот за что я вам плачу. Меня почти устраивает, что вокруг полно тупых людей. Пока рядом есть хотя бы несколько умных.

* * *

На следующий день Коршунов назначил встречу уже не в офисе «Ильин-Теха», а на нейтральной территории. Громова предложила отправить вместо меня юридическую группу. Я согласился. Любил наблюдать за деловыми неприятностями со стороны, когда непосредственное участие ничего не добавляло к результату.

По словам Громовой, переговоры проходили в небольшой конференц-комнате гостиницы. Софья Николаевна взяла с собой Филина и начальника коммерческого отдела. У «Ориона» присутствовали Коршунов, два консультанта и молодой мужчина, который не представился, но слишком внимательно следил за дверью.

Я получил запись позднее. Слушал её, пока ел завтрак.

— Мы заинтересованы в долгосрочном партнёрстве, — произнёс Коршунов. — Но для оценки рисков нам необходим технический доступ.

— Назовите перечень сведений, без которых невозможно оценить коммерческий риск, — ответила Громова.

На записи повисла пауза. Неприятная для них вещь: люди, которым обычно достаточно произнести слово «доступ», вдруг попросили объяснить, к чему именно.

— Речь о стандартной процедуре.

— Тогда предоставьте стандартный регламент. Мы рассмотрим.

Коршунов сменил тему и заговорил о будущем поставщиков. Намекнул, что небольшому предприятию трудно выжить без поддержки крупных объединений.

— Тем более важно иметь несколько независимых партнёров, — заметила Громова.

Я остановил запись и рассмеялся. Прекрасная женщина. По профессиональному садизму иногда могла составить мне конкуренцию, только использовала вместо оружия юридически безупречные предложения.

В конце встречи «Орион» согласился направить новую редакцию условий. Мы заранее знали, что она будет почти такой же. Но каждый официальный ответ давал новые доказательства того, кто именно пытается навязать контроль над чужой собственностью.

Вечером я разговаривал с Филиным.

— Они рассчитывают, что вы сорвётесь, — сказал он.

— Не сомневаюсь. Считаете, надо изобразить сердечный приступ от обиды?

— Считаю, им выгодна ваша эмоциональная ошибка. Если будет незаконный ответ, им станет проще защищать собственные действия.

— Тогда пусть остаются без подарка. Пока.

Я отключил связь и посмотрел на новую таблицу расходов. Нам удалось перенести часть поставок на других подрядчиков, хотя это стоило дополнительных денег. Громова раздражалась из-за потерь. Я — из-за чужой привычки считать мои деньги своей будущей собственностью.

Но торопиться было незачем. Коршунов любил убеждать себя, что время работает на него. Пусть продолжает. Иногда чужая уверенность открывает двери лучше любого взлома.

* * *

Вечером после консультации Филина Громова организовала разговор с руководителями производственных участков. Я подключился удалённо, устроившись в кресле с лекарством от боли в колене и тарелкой горячей еды.

Первым выступил заведующий складом. За последние три дня два транспортных подрядчика внезапно начали требовать оплату вперёд. Третий отказался от маршрута без объяснения причин. Четвёртый осторожно сообщил, что больше не хочет работать с компанией, оказавшейся «в центре коммерческого спора».

— Спор у нас пока исключительно с чужим воображением, — сказал я. — Документы по задержкам собраны?

— Да, — ответил заведующий складом.

Он назвал должность и уточнил номер проблемной партии. Я попросил сразу приложить документы к переписке с юристами.

— Тогда передайте юридическому отделу. Перевозки перестраиваем на независимые компании. У кого есть другие варианты?

Молодой инженер предложил временно перевести часть изделий на железнодорожный маршрут. Марина сразу нашла технические ограничения: несколько опытных моделей плохо переносили длительную вибрацию. Они спорили спокойно, с цифрами. Я слушал и не вмешивался, пока разговор не дошёл до стоимости.

— Дороже на восемь процентов, — сообщил инженер.

— Берём. Потерять контракт из-за желания сэкономить восемь процентов — роскошь для людей, которые плохо умеют считать.

После совещания Громова осталась на линии.

— Вам понравилось?

— Что именно? Ужасные новости или способность сотрудников не разбегаться при первом намёке на неприятности?

— Я о втором.

— Да. За это им можно платить больше.

Она сообщила, что уже подготовила премии ключевым специалистам. Не романтическое признание в корпоративной верности, а простая договорённость: умеешь работать — получаешь деньги.

Когда связь оборвалась, я подумал о Коршунове. Он наверняка рассчитывал, что молодое предприятие достаточно напугать задержкой поставок. Когда-нибудь некоторые бизнесмены осознают, что хорошие сотрудники и запас средств позволяют переживать гораздо более отвратительные вещи.

* * *

После обеда позвонил незнакомый номер. Мужчина представился сотрудником страховой структуры и сообщил, что они готовят специальные тарифы для предприятий, связанных с аномальными технологиями. Хотел уточнить, где расположены наши опытные стенды и каков график вечерних смен.

— А номер моего нижнего белья не потребуется? — спросил я.

— Простите?

— Вдруг пригодится для оценки рисков.

Он попытался перевести разговор на официальный тон, но я попросил прислать запрос на юридический адрес и завершил вызов. Через минуту переслал номер Ирине. Та ответила почти сразу: «Подставное юридическое лицо, зарегистрировано три недели назад. Проверяю владельцев».

Вот теперь становилось действительно весело. Они ещё не предъявили претензий напрямую, зато уже пытались узнать, когда производство остаётся без людей и где у него самая дорогая начинка.

Я не собирался мешать им собирать информацию. Каждая новая попытка обещала оставить ещё один след.

В техническом отделе было тихо. Инженеры рассматривали новый модуль сглаживания нагрузки. На столе лежала вскрытая оболочка накопителя, рядом Марина ругалась на датчик, упрямо показывавший невозможные значения.

— Пришёл покритиковать? — спросила она.

— Пришёл убедиться, что предприятие не развалилось без моего гениального руководства.

— К сожалению, нет. Мы пока держимся.

Егор сидел у соседнего монитора. На экране висела трёхмерная схема моего источника, которую он не закрывал даже при приближении человека с весьма плохими привычками.

— Перестань изображать палача, — сказал я. — Хочу посмотреть на нашу новую проблему.

— Сначала на эту, — Марина ткнула пальцем в оплавленный контакт. — Привезли опытный блок от стороннего поставщика. Заявлен как стандартный демпфер. После второго импульса у него меняется направление сброса.

— Из-за ошибки сборки?

— Нет. Из-за неизвестной схемы внутри корпуса. Заводская маркировка затёрта. Нам его прислали как образец для совместимости с будущим контрактом.

— Кто прислал?

— Складской посредник «Ориона».

Я повернул модуль. В шве виднелся крошечный тёмный участок, будто стекло не залили, а вырастили из трещины. Приближаться источником к нему я не стал. После Ладоги у меня появилось совершенно здоровое желание не обнимать всякую дрянь, способную менять пространство.

— Выключить, изолировать, никакой самодеятельности. Егор, снимай показания только с дистанционных датчиков. Марина, запечатай корпус и поставь внешний щит. Пока не разберёмся, никто это на производство не понесёт.

— Мы и не собирались.

— Восхитительно. Значит, можно считать, что у нас всё ещё есть здравомыслящие люди.

Егор дождался, пока Марина уйдёт за защитным контейнером, и понизил голос.

— Ты ощущаешь что-нибудь рядом с ним?

Я прислушался. Источник оставался спокойным. Потом, на самом краю восприятия, возникло слабое ощущение неправильной глубины. Не энергия сама по себе. Скорее, пространство вокруг тёмной точки было на мгновение толще, чем должно.

— Почти ничего. А ты?

— На схеме из «НУЛЯ» есть похожее искажение. Сходство предварительное.

— Тогда оставим его предварительным. Мне не нужна ещё одна группа учёных, которая за чужой счёт проверяет, насколько опасно открывать двери не туда.

— Ты же сам хочешь узнать, что с твоим источником.

— Хочу. Именно поэтому предпочитаю оставаться в комплекте с ним.

К вечеру я собирался вернуться в академию, но внизу позвонил Тихий.

— За мастерской две машины, — сообщил он. — Одна утром уже стояла возле офиса. Люди не наши.

— Номера?

— Есть. Пока только наблюдают.

— Пусть наблюдают. Передай Громовой, чтобы сотрудники ходили с охраной, пока мы не поймём, чей это цирк. Если начнут трогать — работать будем иначе.

— Ты сам куда?

— В академию. Учиться, как положено добропорядочному юноше.

Тихий хмыкнул. Не поверил. И правильно. Меня самого в таких заявлениях убеждал только официальный пропуск.

* * *

Коршунов получил очередной отчёт о сбоях в переговорах с «Ильин-Техом» ближе к полуночи. Его раздражала не потеря денег как таковая. Деньги можно вернуть. Раздражало то, что девятнадцатилетний предприниматель отказывался реагировать привычным образом.

Он не требовал личной встречи после каждой угрозы. Не устраивал публичных истерик. Не пытался впечатлить княжеских представителей фамилиями, которых у него не было. Просто отвечал документами, находил новых поставщиков и продолжал заниматься в академии.

— Возможно, он не понимает масштабов риска, — предположил помощник.

Коршунов взглянул на него с усталостью.

— Или понимает лучше, чем ты.

Помощник замолчал.

— У нас есть сведения о его обороте?

— Да. После переноса поставок выручка не упала критически. Часть расходов выросла, но запас ликвидности достаточный.

— А их производство?

— Технический директор ускорил запуск новой линии.

Коршунов отложил планшет. Неприятная картина. Если молодой Ильин действительно настолько самостоятельный, коммерческая блокада затянется. А если за ним стоят скрытые покровители, прямое давление может привести к политическому скандалу.

— Кто контролирует службу безопасности?

— Подчиняется владельцу через Ирину и отдельные договоры.

— Получите перечень людей. Законным способом.

Помощник кивнул. Коршунов оставался убеждён, что любой бизнес можно подчинить, если найти достаточно точную точку давления. Но у «Ильин-Теха» точки распределялись непривычно. Громова управляла финансами, инженеры — технологиями, юристы — документами. Владелец вмешивался редко. Зато при вмешательстве происходило что-то весьма неприятное.

На следующий день в офисе «Ильин-Теха» Софья Николаевна объявила сотрудникам о новой программе премирования за выявленные нарушения безопасности и попытки несанкционированного доступа.

— Вы хотите поощрять доносительство? — спросил один из инженеров.

— Хочу, чтобы любые подозрительные действия обнаруживались до аварии, — ответила она. — Сведения проверяются, ложные обвинения не вознаграждаются.

Я одобрил. В прошлой жизни хорошая система уведомлений стоила дорого. Плохая — обычно ещё дороже, особенно если о проблемах узнаёшь после взрыва.

* * *

Вечером за мной действительно ехал автомобиль. Чёрный седан держался на расстоянии двух перекрёстков. Когда моя машина свернула к мосту, он повторил манёвр. Я попросил водителя высадить меня возле небольшого магазина, взял пакет с водой и прошёл к переходу. Колено ныло. Никаких забегов, никаких красивых акробатических номеров.

Седан остановился у светофора. Один пассажир вышел, изображая человека, которому срочно понадобился воздух. Второй остался за рулём.

Первый шёл быстро, но постоянно смотрел по сторонам. Не профессионал. Скорее, водитель охраны, которому поручили сделать фотографию с близкого расстояния. Я остановился у витрины. Он тоже. Подошёл ближе.

— Молодой человек, минутку.

— Слушаю.

— Хотел спросить про компанию. Сотрудничество, знаете ли.

— Хорошее начало. Только презентацию забыли.

Он открыл рот. В руке у него блеснул телефон, уже переведённый в режим записи. Я улыбнулся и сделал шаг ближе.

— Передай начальнику: если он хочет обо мне что-то узнать, пусть звонит. Подглядывание за людьми считается дурным тоном даже среди торговцев чужими секретами.

— Я не понимаю, о чём вы.

— Тогда передай дословно. С этим справишься?

Парень сглотнул. За моей спиной на секунду приподнялся узкий каменный бортик: не ловушка, не атака, просто указание, что расстояние я контролирую. Его взгляд метнулся вниз.

— Передам.

— Молодец. А теперь иди. Тебя там водитель ждёт. Скучает, наверное.

Он ушёл. Я купил минералку в магазине, дождался другой машины и добрался до академии без приключений.

Пусть докладывает. Из того, что я понимаю наблюдение, не следует, что обязан изображать параноика. Иногда полезнее разрешить противнику убедиться, что ты живёшь обычной жизнью.

Они ведь пока ничего не сделали, кроме нескольких неприятных предложений.

А я не любил тратить время на людей, которые ещё даже не определились, хотят ли умереть.

* * *

Москва. Центральный офис промышленного объединения «Орион».

Михаил Коршунов поставил перед собой чашку остывшего эспрессо. На экране лежала краткая справка о Демьяне Ильине: девятнадцать лет, третий ранг, участник военной практики, владелец предприятия, дисциплинарные взыскания. Ниже — длинный перечень дел, где фамилия студента присутствовала без определённого процессуального статуса.

— То есть он понимает, что за ним следят? — спросил Коршунов.

— Да, — ответил начальник внутренней безопасности. — Сегодня сам подошёл к нашему человеку.

— Тот спровоцировал его?

— Не успел. Ильин узнал его ещё до контакта.

Коршунов потёр переносицу.

— Сколько у нас времени до закрытия поставки?

— Три недели. Если производитель не согласится на совместный контроль, придётся искать другую площадку.

— А если согласится?

— Получим нужные разработки без покупки предприятия.

— Вот и работайте. Через поставщиков, проверки, ведомства. Никакой самодеятельности с оружием.

— Некоторые партнёры предлагают ускорить переговоры.

— Передайте партнёрам, что у меня есть мозги и я собираюсь ими пользоваться. После истории с московской «Серой кромкой» нам не нужен новый скандал.

Начальник безопасности не сразу убрал планшет.

— Коршунов, там есть странности. Военные отметили, что он иногда действует как человек, прошедший подготовку в специальных подразделениях. При этом серьёзный стаж службы отсутствует.

— Талантливый студент. Мы же не объявим ему войну только потому, что талантливым студентам обычно восемнадцать.

— Я бы всё равно усилил наблюдение.

— Усильте. Только чтобы он не заметил.

Начальник промолчал. Не стал напоминать, что молодой Ильин уже заметил первую группу.

После ухода подчинённого Коршунов ещё раз открыл фотографии мастерской. Его интересовали не столько накопители, сколько маленькая чёрная вставка на одном из опытных моду-

лей. Такие вставки поставлялись по отдельному закрытому контракту. И их вообще не следовало показывать посторонним.

Он набрал номер руководителя исследовательской службы.

— Рубцов? У меня вопрос. Почему образец из закрытой серии оказался у независимого изготовителя?

Глава 3. Адептов тоже бьют

Через четыре дня врач разрешила мне вернуться на полигон.

С условием, что я не буду использовать усиление тела, прыжковые импульсы, резкие повороты на больной ноге и любые техники, при которых восстановление тканей может пойти не по утверждённому расписанию.

— А дышать можно? — уточнил я.

— Осторожно.

— Я подозревал.

Сама бумага весила меньше двадцати граммов, но по степени подавления боевой мощи могла соперничать с некоторыми известными мне магами четвёртого ранга. Я аккуратно сложил её и пошёл на занятия.

В аудитории для второго курса уже сидели Руслан, Марфа и две девушки, обсуждавшие новую форму академического бала. Студенты здесь успели привыкнуть к тому, что часть занятий проводилась в обычных кабинетах, а часть — в местах, где неожиданно начинали рушиться стены. Ничего удивительного. Прогрессивное образование должно давать практические навыки. Желательно, не посмертно.

Профессор Мещерский начал с проверки летних отчётов. Несколько человек привезли с практики впечатляющие фотографии. Один студент — сломанную руку, другой — историю о героическом спасении техника, который, как выяснилось, просто забыл выключить защитный модуль.

— Ильин, — произнёс Мещерский, — вы отчёт представили?

— Вчера. Под подпись.

— Ваша работа у Ладожского разлома вызвала вопросы методической комиссии.

— Уже соскучился по вопросам. У разлома их задавали в основном зубами.

— В частности, комиссия заинтересовалась объёмными формами, которые вы применяли. Профессор Черкасов просил не допускать вас к их повторению без наблюдения.

— Разумная просьба. Моё тело вообще последнее время пользуется большим влиянием на образовательный процесс.

Мещерский сделал вид, что не услышал.

На практической части нас распределили по секторам. Для меня отвели центральную площадку без препятствий: никаких беговых нормативов, никаких резких сближений. Инструктор по имени Матвей Горин проверил бумагу и указал на линию старта.

— Работаешь только с места. Дистанционные формы. Три цикла, затем контроль пульса и проверка руки.

— Прекрасно. Надеюсь, противники тоже согласятся не двигаться.

— Если противник пойдёт к тебе, твоя задача — закрыть сектор, а не геройствовать.

— Я и не геройствую. У меня к этому аллергия.

Первый противник был Платонов. Северин поприветствовал меня лёгким поклоном, совершенно не соответствующим виду площадки, где от разряда могло остаться две подписи на полу.

— Постараюсь не задеть ногу.

— А я постараюсь не обидеться, когда тебе не удастся.

Сигнал прозвучал коротко. Северин сразу взял высоту: развернул широкую воздушную заслонку и за ней выпустил три плотных сгустка воды. Хорошо. В лоб бить не собирался. Один

из сгустков разбился о мой щит, второй ушёл чуть левее, третий в нужный момент растёкся по земле. Через секунду мокрый участок превратился в скользкую ловушку.

Я заметил движение и переместил опору на сухой край площадки. Без прыжка, без ускорения. Просто шаг. Короткий каменный клин разрезал поток, отсекая следующую порцию воды. В ответ отправил пару узких огненных дуг. Северин перекрыл одну ледяной полосой, вторую принял на внешний щит.

Неплохо. В прошлом году он сам признал, что его щит слишком тяжёл для быстрой смены направления. Теперь думал, что будет после первого удара.

Через минуту Северин прижал меня к границе площадки. Большую часть атак я перекрыл, но с каждой требовалось удерживать всё больше мелких форм. Источник был полон. Слишком полон. А вот скорость управления начинала подводить. Пока я переставлял один щит, другой уже требовал поправки.

Я выбрал не самый мощный ответ. Коротко ударил холодом по мокрой дорожке у его правой стопы. Северин заметил, поднял ледяной козырёк — и как раз этим открыл линию для моего тонкого воздушного толчка. Толчок не пробил основную защиту. Зато сбил край плаща с креплением накопителя. Северин потянулся поправить его, на секунду потерял обзор. Мне хватило времени обозначить удар в плечо.

Сигнал завершил поединок.

— Нечестно, — сказал Платонов, рассматривая порванное крепление.

— Ты хотел, чтобы я победил твоё достоинство? Оно у тебя хорошо защищено.

Он засмеялся. Горин записал результаты и велел отдыхать.

— Резерв? — спросил инструктор.

Я прислушался.

— Больше половины.

— После такого расхода?

— Мне самому приятно.

Горин посмотрел на диагностическую полосу. Она подтверждала: запас действительно оставался удивительно высоким. Он решил, что прибор ошибается, заменил датчик и проверил ещё раз. Я не стал объяснять ему подробности. До нормального обследования Черкасовым мне не хотелось превращаться в академическую выставку необычных органов.

Второй поединок обещал быть хуже. Ордынцев вышел на площадку, размял плечи и посмотрел на мою повязку.

— Сможешь держать дистанцию?

— Если не будешь хамить, постараюсь.

— Мне нужен обычный бой. Ты ограничен, я не стану пользоваться усилением.

— Ты так говоришь, будто уступаешь в чём-то существенном.

Ордынцев не улыбнулся.

На сигнал он ответил сразу. Не мощной атакой, а серией быстрых проверок: огонь по верхнему краю, земля по опорной точке, сдвиг воздуха слева. Я прикрыл два направления, третье просчитал чуть поздно. Каменная пластина ударила в щит под неприятным углом. По руке прошло давление; запястье отозвалось болью.

— Расслабился, — сказал Ордынцев.

— Счастье, что у нас нет экзамена по вежливости.

Я сместил защиту и отбил следующий удар водой. Ордынцев обошёл внешнюю грань, навязал другой угол, потом опять. Он не тратил силы зря. Каждый его удар заставлял меня менять форму, переставлять внимание, выбирать между быстрым и правильным ответом.

В какой-то момент я приготовил широкую ледяную дугу. Она могла вынудить его отступить. Но сборка занимала лишнюю долю секунды. Ордынцев увидел начало движения, сделал

вид, что собирается бить прямо, и вдруг ударил в основание моей защиты короткой вибрацией земли.

Щит не развалился. Просто оторвался от линии опоры. Этого хватило, чтобы над плечом загорелся контрольный маркер попадания.

Горин остановил поединок.

Я выругался. Не особенно громко, зато от всей души.

— Проблема? — спросил Ордынцев.

— Твоя наглая привычка быть правым.

Он протянул руку. Я пожал, стараясь не показать, как сильно ныла кисть.

— Ты слишком долго держал плотную форму, — сказал он. — Я видел, когда у тебя закончилась удобная последовательность.

— Заметил. За что тебе огромное человеческое спасибо.

— Запас у тебя большой. Но пока ты пытаешься решить запасом то, что решается скоростью переключения.

— Ещё раз спасибо. Если продолжишь, я начну выставлять счета за психологические травмы.

Ордынцев наконец усмехнулся.

Меня отправили к датчику. Сердце билось быстрее, чем хотелось, локоть слегка дрожал. При этом запас в источнике действительно почти не изменился со второй половины поединка. Необычная ёмкость была приятной штукой. Проблема в том, что мышцы на моё счастье почему-то не подписывались.

После двух поединков Горин решил, что я достаточно отдохнул для командного упражнения. Я подозревал, что преподаватели получают отдельную надбавку за умение находить студентам новые способы испортить день.

— Синяя группа держит условный коридор эвакуации, — объяснил он. — Красная пытается прорваться. Две минуты. Один условно раненый в центре. Оценим, как распределяете сектора.

Со мной поставили Руслана. Против — Платонова и Артёма Измайлова, высокого парня с хорошим управлением огнём и привычкой бросаться вперёд, не разобравшись в обстановке.

— Предупреждаю, — сказал я Руслану, — сегодня я бегаю со скоростью почтовой черепахи.

— Заметил. Будешь ставить дистанционные формы. Я держу основной щит.

— А вот теперь слышу голос разума. Запишу на память.

Мы заняли позиции. В центре площадки лежал манекен, который изображал тяжелораненого сотрудника. Горин объявил, что для успешного выполнения необходимо не просто не пропустить противника, но и сохранить возможность вывезти «раненого» из зоны.

— Уточнение, — поднял я руку. — Эвакуация обязательна даже если из-за неё рушится линия обороны?

— По условиям задачи — да.

— Тогда условия составлены любителем дорогих похорон. Но подчиняюсь.

Горин поморщился. Руслан пихнул меня локтем.

Красная группа пошла резко. Измайлов бросил широкую огненную волну, заставляя нас закрыться. Северин обошёл её левым сектором и попытался заморозить основание щита. Я поставил каменный выступ под линией его атаки, нарушив угол. Руслан выдержал огонь, но по правому краю оставалась щель. Измайлов это заметил и направил туда второй удар.

— Правый! — крикнул я.

— Вижу!

Руслан сместил щит, а я бросил короткую ледяную плоскость между его крайними опорами. Секунда. Не больше. Зато Измайлову пришлось сменить направление.

— Манекен! — напомнил Горин.

Я посмотрел на условно раненого. В реальной обстановке лежащего посреди поля боя следовало бы хотя бы предварительно признать транспортабельным, прежде чем рисковать двумя живыми магами ради красивой фотографии. Но упражнение требовало другого, и я уже видел способ выполнить его без лишних потерь.

— Руслан, держишь ещё десять секунд. Потом отступаешь к правой линии. Я подниму прикрытие над манекеном.

— Понял.

Северин пошёл глубже, рассчитывая перехватить меня у центральной отметки. Я вместо перемещения на ногах поднял небольшую каменную платформу прямо под манекеном и сдвинул её по гладкому участку пола. Тело-муляж медленно поползло к нашему краю. Платонов заметил и попытался ударить сбоку, но угодил в заранее поставленную низкую ледяную грань.

На мгновение он оказался вынужден защищаться. Руслан использовал паузу правильно: накрыл нас широким воздушным щитом и отступил на два шага. Манекен уже пересёк линию безопасности.

— Контроль, — произнёс Горин.

Время ещё не вышло, но задачу мы выполнили. Измайлов хотел возразить, что транспортировка манекена магией нечестна. Горин показал ему условия упражнения. Ничего о том, что раненого следует непременно носить на руках, там не было.

— Вы оба использовали уязвимости сценария, — сказал преподаватель. — Хорошо. Но Ильин, зачем вы сперва спорили об обязательной эвакуации, если могли выполнить её?

— Потому что в реальном бою у нас не будет преподавателя, который заранее скажет, что манекен точно выживет после перемещения. Не все раненые одинаково хорошо переносят перевозку на каменной плите.

— Значит, понимаете разницу.

— Прекрасно понимаю. Именно поэтому спрашивал.

Горин задумался. Руслан тихо засмеялся.

У выхода нас остановила девушка из соседней группы. Я видел её на занятиях, но имени не помнил. Она смотрела на меня неприязненно.

— Ты бы и настоящего раненого так двинул, не спросив разрешения?

— Если бы он выдержал, да. Если бы не выдержал, искал бы другой способ.

— А если времени нет?

— Тогда выбирал бы, что важнее в данный момент.

— Ты говоришь о людях как о вещах.

— Ты говоришь о задачах как о пожеланиях. У всех свои слабости.

Она отвернулась. Руслан подождал, пока мы отойдём.

— Мог бы ответить мягче.

— Мог. Но ей понравился бы ответ, а не результат. Ты ведь сам видел, что при другой расстановке весь щит рухнул бы из-за попытки вытащить манекен руками.

— Видел.

— Вот и всё.

Он не согласился полностью, но спорить не стал. Мне же было достаточно, что в самом упражнении Руслан сделал всё правильно. Его можно было ставить в общий сектор и не думать каждую секунду, не решил ли приятель внезапно стать памятником героизму.

* * *

В пятницу студенческий совет устроил турнир по смешанным магическим дисциплинам. Официально — для укрепления дружбы между факультетами. Неофициально — чтобы состоятельные молодые люди могли красиво выяснить, чьё самолюбие выдерживает больше ударов.

На открытии один из аристократов предложил запретить участие студентов без родового статуса в специальных группах. Мещерский выслушал его, затем спросил, не желает ли молодой человек также запретить противникам пользоваться ногами.

Парень не нашёлся с ответом. Я мысленно поставил преподавателю десять баллов за педагогическую эффективность.

Наше первое испытание состояло в захвате трёх контрольных площадок. Команды получали ограниченное время и одинаковое стартовое количество накопителей. Остальное зависело от их собственных резервов, распределения ролей и способности не мешать друг другу.

Руслан отвечал за защиту, Марфа — за управление блоками. Северин руководил двумя новичками, которые слишком часто смотрели на меня вместо ближайших противников.

— Перестаньте ждать от меня чудес, — сказал я одному из них. — Если вас ударят, фамилия Ильин на медицинской карточке не поможет.

Новичок покраснел и наконец занял свой сектор.

Первую площадку мы взяли без особых затруднений. На второй столкнулись с командой артефакторов, которые выстроили ловушку из узких защитных перегородок. Хорошая идея. Плохо было лишь то, что одна линия проходила через мокрый участок покрытия. Я направил по поверхности короткую электрическую дугу, вызвал срабатывание защитного датчика и вынудил их отключить крайний блок.

— Нечестно! — крикнул противник.

— Датчики считают иначе, — ответил я.

Третью площадку мы потеряли. Северин слишком поздно получил сообщение о смене маршрута, один из младших магов попытался самостоятельно прорваться через барьер, и нам пришлось вытаскивать его из-под учебного огня. Даже большой запас энергии не заменяет дисциплину целой группы.

После нормативов Марфа села рядом со мной на ступеньках трибуны.

— Ты мог бросить этого дурака.

— Мог. Тогда нам сняли бы очки за потерю участника и заставили писать отчёт. Слишком дорогой способ показать ему последствия глупости.

— И всё?

— А что ещё? Хочешь, обниму его и расскажу о важности командного духа?

Марфа покачала головой. Не сердито. Просто она давно привыкала к тому, что мои объяснения редко совпадают с ожидаемыми.

Вечером мы заказали еду в общежитие. Руслан обсуждал ошибки команды, Северин пересказывал скандал с родовитыми участниками, Марфа пыталась убедить всех в необходимости купить более надёжные накопители. Я слушал и думал, что даже неудачные соревнования приятнее большинства заданий из прежней жизни. Там после ошибки обычно не выдавали пересдачу.

* * *

Через неделю в академии устроили открытое занятие по командной тактике. Организаторы хотели проверить способность студентов слушать приказ. Получилось проверить совсем другое — насколько успешно некоторые наследники способны превращать фамильную спесь в коллективное самоубийство.

Нашу пятёрку поставили против команды старшего курса. Руслан получил защитный сектор, Марфа — учебные накопители, двое незнакомых парней заняли боковые позиции. Я отвечал за подвижную группу и заранее сообщил, что бегать красиво не собираюсь.

Против нас вышли трое магов и девушка с короткой металлической палкой. Девушка выглядела неприятно спокойно. Мне понравилось. Спокойствие обычно свидетельствует либо о профессионализме, либо о катастрофической нехватке мозгов. Второе проверяется быстрее.

Сигнал прозвучал без предупреждения. В левую перегородку ударила огненная волна. Руслан удержал щит, Марфа перекрыла шов накопителем. Я отправил по полу тонкий слой льда, не пытаясь бить противника напрямую. Один из старшекурсников поскользнулся, но второй вовремя подхватил его воздушным импульсом.

— Неплохо, — сказал я.

— Работай, Ильин! — рявкнул инструктор.

В следующую секунду девушка с палкой оказалась возле меня. Быстрая, чёртова зараза. Не магический рывок — просто хорошая работа ногами. Я отклонился, позволил удару пройти вдоль плеча и поставил между нами узкий каменный клин. Она не стала разбивать препятствие, обошла справа. Умница.

Тут подвело колено. Боль полоснула от суставной щели вверх по бедру. Я успел отскочить, но потерял темп, и девушка коснулась палкой контрольного датчика на моём боку.

— Поражение, — объявил инструктор.

— Несправедливо. Меня только что избили при полном попустительстве государства.

Девушка ухмыльнулась.

— Ты слишком ждал, что я начну колдовать.

— А ты слишком уверена, что в следующий раз дождёшься подходящей дистанции.

— С удовольствием проверю.

Звали её Нина Карева. Второй курс, воспитанница ведомственной школы боевой подготовки. Она действовала без лишних украшений. Я записал фамилию — не в список врагов, а в гораздо более короткий список людей, у которых стоило поучиться.

После разбора Мещерский подошёл ко мне с планшетом.

— Вы сохранили резерв, но потеряли позицию.

— Знаю. Колено замедлило поворот.

— Поэтому не стоило принимать ближнюю дистанцию.

— Знаю и это. Хотел посмотреть, насколько хорошо она пользуется моментом.

— И как?

— Дорого. Зато теперь знаю.

Мещерский кивнул. Он был достаточно умён, чтобы не путать поражение с глупостью. К сожалению, некоторые его коллеги обладали куда более широкими взглядами на педагогический садизм.

В раздевалке Руслан бросил полотенце мне на плечо.

— Тебе понравилось проигрывать?

— Нет. Мне понравилось, что нашёлся человек, способный заставить меня ошибиться. Полезная находка.

— Ты говоришь так, будто собираешься ей отомстить.

— В тренировочном смысле. Пока.

Руслан рассмеялся. Я улыбнулся вместе с ним. Подобные дни стоили нескольких болезненных шагов. Особенно когда после занятий обещали хороший ужин и компанию, которая не пыталась читать мне наставления о человеческой душе.

* * *

Тренировочный поединок с Ниной Каревой состоялся в небольшом зале, где обычно проводили дополнительные занятия для студентов ведомственных программ. Она пришла без зрителей, принесла две учебные палки и сразу предложила правила: магия разрешена только для коротких перемещений и защитных вставок. Остальное — тело, реакция, дистанция.

— Ты меня ненавидишь, — сказал я.

— Пока только сомневаюсь, что ты понимаешь, сколько ошибок допускаешь ногами.

— Это уже почти ненависть.

Мы начали медленно. Она показывала движение, я повторял. Потом ускорилась. На четвёртом обмене я ошибся с опорой и получил контрольное касание в плечо.

— Видишь? — спросила Нина.

— Вижу. Особенно прекрасно вижу, как моя гордость покидает тело.

Она не рассмеялась. Подняла палку и заставила повторить. На второй попытке я сменил положение ступни раньше, отказался от слишком широкого шага и сумел увести её удар в пустоту.

— Уже лучше.

— Дайте медаль. Лучше денежную.

Через полчаса мы перешли к свободному упражнению. Нина действовала быстрее, чем я ожидал. Её сила была не в магии — в том, что она умела связывать движение корпуса с решением до того, как противник успевал прочитать намерение.

Мне такое нравилось. Хороший убийца должен постоянно помнить, что его собственные навыки не делают окружающих идиотами. Особенно в мире, где некоторые люди тренируются всю жизнь.

В конце я всё-таки выиграл один обмен. Не скоростью, а изменением дистанции: заставил Нину поверить, что ухожу назад, и встретил её движение встречным касанием.

Она остановилась.

— Вот теперь похоже на твой стиль.

— А до этого?

— До этого ты пытался драться моим.

Я усмехнулся. Точное замечание. У каждого профессионала есть набор решений, выработанных под собственное тело. Моё нынешнее тело ещё только училось выполнять старые приказы.

После занятий мы сидели на скамье. Нина рассказывала о ведомственной школе, где за несоблюдение правил безопасности отстраняли от боевой подготовки на месяц. Я спросил, не чрезмерно ли это мягко. Она ответила, что месяц без практики для хорошего бойца иногда хуже любого взыскания.

Умная. Я начал понимать, почему она так уверенно двигалась.

* * *

На очередной лекции по магической безопасности нас заставили разбирать ошибки вымышленной боевой группы. В теории группа должна была оборонять мост, в действительности её командир так усердно заботился о красивых схемах, что успел потерять все пути отхода.

Мещерский спросил, где именно началась катастрофа.

— В момент назначения командира, — ответил я.

В аудитории засмеялись. Преподаватель не улыбнулся.

— Конкретнее, Ильин.

— Он потратил основной резерв на удержание неподвижного фронта, не проверив боковые проходы. Потом усилил ту же ошибку, вместо того чтобы вывести часть группы и изменить сектор.

— Предлагаете оставить мост?

— Предлагаю сохранить людей и возможность выполнить задачу позже. Держать мост без пути снабжения — прекрасный способ оставить противнику хорошо оборудованный памятник собственной глупости.

Мещерский кивнул. Попросил объяснить вариант на доске. Я начертил два маршрута отхода и три точки, где достаточно поставить короткие препятствия вместо непрерывной защиты.

После занятий ко мне подошёл молодой наследник с третьего курса. Его раздражало, что я открыто критикую командиров из дворянских семей. Он предположил, что человек моего происхождения просто не понимает значения офицерской чести.

— Я прекрасно понимаю значение чести, — ответил я. — Особенно когда она похоронена вместе с подчинёнными. Очень дорогая традиция.

Он побагровел и предложил учебную дуэль. Я посмотрел на медицинский фиксатор.

— Сейчас нельзя. Через неделю — возможно. Оставьте заявку в деканате.

— Боишься?

— Разумеется. Вдруг вы победите и заставите меня выслушать семейную историю. Это хуже перелома.

Руслан едва не подавился водой. Наследник ушёл, пообещав непременно добиться поединка. Прекрасно. Учёба снова становилась разнообразнее.

Вечером я встретился с Ниной Каревой на спортивной дорожке. Она показала, как меняет опору при резком развороте, и заставила десять раз повторить движение без магии. На восьмом повторении я заметил ошибку в собственном шаге. Совсем небольшую. В настоящем бою за такую мелочь платят жизнью.

— Зачем тебе это? — спросила Нина, когда я попросил показать ещё раз.

— Люблю, когда ноги выполняют приказы без дискуссий.

— Не похоже на романтическую цель.

— Зато практичная.

Она улыбнулась и продолжила занятие. Умение учиться у людей моложе себя по нынешним документам было редким удовольствием. Правда, объяснять им, почему мне это привычно, я не собирался.

* * *

К вечеру Черкасов вызвал меня к себе.

Его кабинет напоминал мастерскую человека, который пытался одновременно починить двигатель, доказать математическую теорему и выяснить, какая часть вселенной виновата в поломке. На одном столе лежали диаграммы, на другом — вскрытый накопитель, у стены висел учебный образец «Глухого колокола».

— Ваши показатели мне передали, — сказал профессор. — Вы снова провоцируете комиссию измерениями, которых не должно быть.

— Я вообще человек общественно активный.

Черкасов включил небольшой экран.

— Источник третьего ранга способен на больший объём, чем второй. Это известно. Но ваш прирост выбивается из расчётной кривой. Пока не буду называть цифры, поскольку есть ошибки калибровки. Однако обычным объяснением это не закрыть.

— Вариант «природа любит меня сильнее остальных» рассматривается?

— Нет.

— Жестокий вы человек, профессор.

— Для вас опасно другое. Вы получили возможность проводить длинные серии атак. Если попытаетесь одновременно увеличить количество поддерживаемых форм и скорость их смены, получите нагрузку на каналы и ткани, к которой ещё не готовы.

— Я почувствовал.

— Видел запись. Выход у вас хороший, но не уровня полноценного Мастера. Не пытайтесь доказывать обратное.

— Прямо лишаете студента мечты.

— Я пытаюсь оставить студенту руки.

Черкасов назначил закрытые измерения на конец месяца. До того — тренировка простых переходов между стихиями и сокращение лишних движений. Никакой лабораторной эпопеи.

Три конкретных задачи: быстрее оценивать направление, меньше запаздывать с ответом, не пытаться компенсировать ошибку удвоенным расходом.

С этим я был согласен. В прежней профессии не существовало награды за самое красивое исправление промаха. Был человек, который успел выстрелить, и человек, который не успел.

На выходе из корпуса меня остановила незнакомая девушка из старшего курса. Светлые волосы, короткая куртка, уверенная походка.

— Ильин? Тебя внизу ждут.

— Потрясающе. А представиться не хотите?

— Я Алина. Организую встречу факультетов вечером. Марфа сказала, ты теперь можешь выходить в город.

— Марфа распространяет сведения о моём здоровье быстрее медицинской службы. Очень перспективная карьера.

— Значит, придёшь?

— Где?

Она назвала бар неподалёку от Садового кольца.

— Тогда, пожалуй, да. До ужаса надоело разговаривать с людьми в белых халатах.

* * *

К академическим развлечениям добавился спор между двумя факультетами, начавшийся с совершенно пустяковой причины: кто-то назвал защитные формы инженеров «магией для трусов». Инженеры оскорбились, боевые студенты обрадовались поводу продемонстрировать превосходство, и преподаватели устроили открытое состязание.

Я оказался в судейской группе. Это было неожиданно приятно. Можно сидеть, пить кофе и наблюдать за чужими ошибками, не получая собственных травм.

Первый поединок длился меньше минуты. Боевой студент отправил мощный огненный удар, инженер поднял защиту, дождался окончания потока и короткой электрической дугой вывел из строя датчик противника. Победа без единого красивого взрыва.

— Трус, — буркнул один из зрителей.

— Победитель, — поправил я. — Это слово обычно пишут на табло.

Во втором поединке всё получилось сложнее. Инженер слишком увлёкся подготовкой объёмного щита, противник сменил сторону и заставил его потерять опору. Победил боевой факультет. Я одобрил и этот результат. Хорошая техника не обязана работать, если её неправильно применяют.

Потом организаторы попросили меня провести короткую демонстрацию. Согласился при условии, что силовые рывки запрещены, а противник не станет требовать настоящей кровавой развязки.

Вышел Северин. Мы обменялись несколькими контролируемыми атаками, после чего я показал, как простое изменение опоры заставляет противника потратить вдвое больше энергии на коррекцию траектории.

— Это же мелочь! — крикнул кто-то.

— Большая часть хороших решений выглядит мелочью, пока не приходит счёт за плохие.

Мещерский закончил занятие сухим разбором. Он обратил внимание на то, что магические ранги не отменяют принципа правильной позиции. Вдобавок напомнил, что слишком мощная атака в городе часто создаёт больше проблем, чем противник.

Я поддержал его. На моём личном опыте асфальт, окна и дорогие машины уже неоднократно демонстрировали неприятную склонность попадать в отчёты.

После состязания в столовой собралась шумная компания. Студенты спорили, кто победил бы при других условиях. Я позволил им развлечься. Любители воображаемых побед редко оказываются интереснее тех, кто действительно умеет проигрывать и делать выводы.

* * *

Вечером мы сидели в просторном зале с высокими окнами. Компания собралась шумная. Новички спрашивали о занятиях, старшекурсники рассказывали, как легко на самом деле сдать экзамен, и совершенно забывали упомянуть, что сами пересдавали его дважды. Руслан успел поссориться с парнем из инженерного факультета из-за методов защиты, Марфа нашла собеседников по накопителям. Я разговаривал с Алиной, которая оказалась не только красивой, но и прекрасно умела ставить наглых людей на место.

— Тебя правда исключали из трёх секций? — спросила она.

— Не исключали. Предлагали альтернативные формы общения.

— Например?

— Общаться подальше от преподавателя.

Она засмеялась. Я заказал ещё кофе, потом обнаружил на столе карточку с чьим-то номером. Алина написала её, пока я отвлёкся.

— Это чтобы не искал меня через Марфу.

— Здравое решение. Марфа за посреднические услуги могла бы потребовать процент.

У противоположной стены двое молодых аристократов начали громко обсуждать моё происхождение. Один, худой и удивительно довольный собой, заявил, что академия распустилась и принимает людей без имени, если у тех хватает денег на пожертвования.

Мне было неинтересно. Я продолжал разговор.

Потом он произнёс фамилию Руслана и назвал его родителей «заводскими выскочками». Руслан поднялся. Марфа схватила его за рукав. Вокруг замолчали.

— Повтори, — сказал Руслан.

Худой ухмыльнулся.

— Или что?

Я поставил чашку.

— Руслан, сядь.

Он посмотрел на меня зло. Потом всё-таки сел.

Я подошёл к столику.

— Ты ведь понимаешь, что сейчас специально провоцируешь драку? — спросил я.

— А тебе какое дело, Ильин?

— Никакого. Но меня раздражает, когда интересный вечер превращают в представление для идиотов.

— И что сделаешь?

— Ничего. Пока. Но тебе стоит знать одну вещь: если начнёшь бить моего приятеля, закончишь вечер в больнице. Возможно, в хирургии. Выбор отделения зависит от того, насколько быстро обучаешься.

Парень побледнел не сразу. Сначала попытался рассмеяться, потом встретил мой взгляд и вдруг замолчал. Я не повышал голос, не строил страшное лицо и даже не пытался казаться старше. Просто объяснил, к чему приведёт конкретное действие. Иногда люди достаточно сообразительны, чтобы понять.

Его приятель осторожно потянул его за рукав.

— Пошли.

Они ушли. Алина смотрела на меня с выражением, в котором смешались интерес и некоторое сомнение.

— Ты мог бы просто его проигнорировать.

— Мог. И игнорировал, пока он не решил втянуть Руслана в свою образовательную программу.

— Ты говоришь так, будто тебе сорок.

Я усмехнулся.

— А ты предпочла бы, чтобы я вёл себя на восемнадцать?

— Не уверена, что хочу это проверять.

— Мудрая женщина.

Позже Руслан догнал меня у выхода.

— Не надо было вмешиваться.

— Ты хотел сломать ему нос. А потом объясняться с деканом. Мне пришлось выбирать между скучным конфликтом и ещё более скучным заседанием комиссии.

— Спасибо, значит.

— В следующий раз выбирай противника поумнее. Хотя в этой компании с ассортиментом было туго.

Мы вернулись в общежитие за полночь. Нога болела, но вполне терпимо. Я принял лекарство, снял куртку и проверил сообщения.

От Громовой пришло короткое: «Первый поставщик подтвердил задержку. Второй отказался от ранее согласованной цены. Подозреваю согласованные действия».

Следом — от Ирины: «Наблюдение за офисом продолжается. Один из автомобилей принадлежит субподрядчику «Ориона»».

Ну вот и всё. Люди ещё не приняли решение, а уже начали вести себя так, будто боятся собственной подписи.

Я набрал ответ: «Фиксируйте каждое изменение условий. Сами не обостряйте. Если попробуют лезть руками — сообщите сразу».

Положил телефон, потушил свет и лёг.

После года в академии и лета у разлома я наконец понял одно полезное свойство Москвы: здесь большинство проблем любят сначала прислать официальное письмо.

Удобно. Есть время дочитать письмо до того, как кому-нибудь понадобится врач.

Глава 4. Заводские неприятности

В Тверь я приехал в пятницу утром.

Врач была против поездки, профессор Черкасов — против опытов, Громова — против моего личного участия в переговорах с поставщиками. Почти все необходимые для счастливой жизни люди категорически возражали против неё. Я принял к сведению их мнение и сел в поезд.

С Тихим встретились на вокзале. Он забрал у меня сумку, глянул на ногу и не стал спрашивать, зачем я приехал. За это он получал деньги и моё уважение, чего некоторым аристократам не удавалось добиться даже за большие пожертвования академии.

— На заводе порядок? — спросил я.

— Пока да. Охрану удвоили. Два раза ловили посторонних у северного забора. Первый представился электриком, второй — заблудившимся туристом.

— И что делал турист возле промышленной площадки?

— Снимал проходную на телефон.

— Вполне заслуживает памятной открытки из полиции.

— Получил. Только у полиции потом пропала запись беседы.

Я повернулся к нему.

— Уже интереснее.

— Ирина проверяет.

Машина выехала на улицу, где после ночного дождя блестели рельсы. За окном потянулись кварталы, склады, мелкие магазины и ремонтные мастерские. Тверь была удобным городом для бизнеса: достаточно крупным, чтобы не пытаться объяснить каждому, зачем тебе нужна лицензия на магические компоненты, и достаточно маленьким, чтобы плохие слухи добирались до партнёров быстрее официальной почты.

— А сама площадка? — спросил я.

— Нормально. Только вчера поставили чужой блок на испытательный стенд.

— Какой блок?

Тихий посмотрел в зеркало.

— Я думал, ты в курсе.

Нет. В курсе я не был.

Марина получила от меня три пропущенных звонка за то время, пока мы ехали. На четвёртый ответила сердито.

— Я не сплю, если ты об этом.

— Какой блок вчера поставили на стенд?

— Из той серии, что передал посредник «Ориона». Не в основную линию. На закрытый стенд, с внешним отключением. Ничего не запускали, только подали диагностическое питание.

— Кто разрешил?

— Я. После того как проверила документы. А что?

— Его внутреннюю схему мы ещё не поняли. Сними питание, проверь экранирование, к корпусу никого не подпускай. Скоро буду.

— Демьян, я не идиотка.

— Знаю. Поэтому звоню тебе, а не кому-нибудь, кто уже не сможет ответить.

Мы приехали через двадцать минут. У ворот стояли два охранника в новых бронежилетах. Датчики на въезде проверяли транспорт, на втором рубеже — рабочие пропуска. Я отметил, что Тихий действительно занялся безопасностью, а не покупкой дорогих табличек.

Производственный корпус встретил привычным шумом. Станки гудели, погрузчик перевозил ящики с серийными модулями, рабочие ругались из-за графика отгрузок. Обычный мир. Даже приятно.

У проходной меня встретил старший смены, Гаврилов, широкоплечий мужчина с серебристой щетиной и вечным выражением человека, который просит не мешать ему работать. Я познакомился с ним ещё при запуске первых линий. Тогда он считал мои идеи развлечением богатого дурака, пока не выяснилось, что оборудование действительно приносит прибыль.

— Господин Ильин, — сказал он, пожимая руку. — Мы тут решили, что после разлома вы отдыхать будете. А вы снова приехали.

— Сам удивляюсь. Наверное, очень люблю свой завод.

— Или терпеть не можете спокойную жизнь.

— Это тоже.

Мы прошли вдоль конвейера, где собирали серийные блоки защиты для транспортных магистралей. Рабочие поднимали корпуса, проверяли соединения, отправляли готовые изделия на стенд. С обеих сторон стояли плотные экраны, чтобы случайный выброс энергии не добрался до соседних линий.

— Проверки ужесточили, — сообщил Гаврилов. — Вчера прибыл новый инспектор, потребовал доступ к экспериментальному цеху. Документы вроде в порядке, но слишком много вопросов задавал.

— Каких?

— Где ночное питание, когда меняются смены, кто имеет право запускать аварийные генераторы. И ещё интересовался вторым стендом, хотя в разрешении указан первый.

— Записали его фамилию?

Гаврилов кивнул. Я попросил передать документы Ирине.

Возле сборочного стола мы остановились у молодого инженера, демонстрировавшего непонятно зачем два одинаковых накопителя в разных корпусах.

— Вот этот отработал вдвое дольше, — сообщил он. — А мощность одинаковая.

— Значит, надёжность выше?

— Возможно. Только поставщик требует установить его в новую серию без полного стендового испытания. Говорит, конкуренты уже приняли стандарт.

Я посмотрел на маркировку. Обычный серийный блок, ничего похожего на чёрную вставку.

— Не принимайте. Если конкуренты захотят первыми проверить, как он взрывается, это их право. У нас на производстве соревнование идиотов не предусмотрено.

Гаврилов довольно хмыкнул.

— Так и передам.

В административной комнате стояла доска с фотографиями сотрудников, отличившихся за квартал. Станочник, наладчик, инженер по защите, водитель. Никаких гербов и княжеских девизов. Люди получали премии за конкретную работу. Мне нравилась эта система. К тому же раздавать деньги за выполненные задачи было выгоднее, чем покупать чью-нибудь родословную целиком.

Я подписал несколько документов, утвердил премии за перевыполнение плана и проверил расходы на охрану. Тихий тихо наблюдал, пока я не закрыл таблицу.

— Ты ведь понимаешь, что всё это может продолжаться месяцами? — спросил он.

— Коммерческая война? Понимаю. Именно поэтому Громова нужна живая и отдохнувшая, а не застреленная где-нибудь на парковке.

— Что будем делать с теми, кто спрашивал про смены?

— Наблюдать. Если никто не полезет в шкафы, у нас будут только документы. В документах я готов участвовать хоть до старости, если Громова не отравит меня раньше.

За окном погрузчик сдал назад и коротко просигналил. Рабочие разошлись. Я подумал, что обычный производственный день — редкая роскошь. Когда у тебя за стеной несколько сотен людей, совершенно не хочется проверять, сколько из них удастся спасти после чужого эксперимента.

В технической лаборатории Марина стояла над закрытым защитным шкафом. Рядом Егор изучал показания дистанционного считывателя. За их спинами на экране висела карта нестабильности.

— Мы ничего не запускали, — повторила Марина прежде, чем я успел открыть рот.

— Я заметил. Объясняй.

Она показала график. После подачи диагностического тока модуль ответил коротким импульсом, хотя по паспортным данным не должен был выдавать ничего подобного. Потом импульс повторился. Через три минуты — снова.

— Амплитуда растёт, — сказал Егор. — Не линейно. Будто где-то появляется дополнительный объём.

— Аварийный сброс?

— Не срабатывает. Ключи отключения физически разомкнуты, но внешний датчик продолжает регистрировать колебания.

Я почувствовал уже знакомую неправильную глубину. Не энергию, которой можно коснуться, а место, где воздух немного изменил собственные правила.

— Эвакуировать лабораторию и соседний цех, — приказал я. — Без шума. Если кто-нибудь начнёт задавать вопросы, скажите, что проверки отнимают у компании лишние деньги и портят мне характер.

— Весь корпус? — спросила Марина.

— Весь. Потом можем обсудить, насколько я перестраховался.

Она выругалась и побежала к панели оповещения. Громова, когда дозвонилась, сначала потребовала объяснений, потом сразу включилась в организацию эвакуации. Денег на простой она не жалела. Хороший исполнительный директор понимает, что убитый сотрудник создаёт больше бухгалтерских проблем, чем остановленный станок.

* * *

Через семь минут лаборатория опустела. Через восемь из шкафа раздался звук, похожий на звон тонкого стекла.

— Далеко от стены! — крикнул Егор.

Шкаф не взорвался. Внутренняя поверхность просто изменилась. На месте металлической панели возник узкий чёрный просвет, в котором не отражался свет. Затем из него высунулась конечность с суставом, который сгибался не в ту сторону, и вцепилась в край корпуса.

— Вот и гости, — сказал я.

Первую тварь ударил огнём, не давая развернуться. Пламя облизало конечность, оставив на ней серую полосу. Существо рванулось наружу. За лапой появилась голова: плоская, с двумя рядами маленьких глаз, по бокам двигались кожистые выросты.

Я поставил каменную перегородку у пола, чтобы оно не выскочило в центр лаборатории. Тварь ударилась об неё, и шкаф затрещал. Следом в просвете шевельнулась ещё одна конечность.

— Марина, выводи Егора! — крикнул я.

— Я могу держать щит!

— Можешь. Но сейчас мне важнее, чтобы ты потом рассказала, что мы тут увидели. Пошла!

Егор не спорил. Они отступили через аварийный выход. Я остался с двумя охранниками, которым Тихий дал приказ не покидать помещение без команды. Разумные ребята, но до профессиональных военных им было далеко.

— Вы двое — в коридор. Прикрывайте дверь, не заходите обратно. Здесь может стать тесно.

Один хотел возразить. Вовремя передумал.

Чёрный просвет расползался. Первое существо вырвалось почти целиком, прижало лапы к полу, а затем бросилось прямо на перегородку. Я сжал каменную пластину, заставляя её подняться под углом. Тварь потеряла опору и получила ледяной клин в мягкую область под грудью.

Клин вошёл глубже, чем я ожидал. Существо завизжало, ударило лапой в стену, повалило стеллаж. Вторая тварь успела высунуть морду. Её пришлось встретить короткой дугой молнии. Разряд соскользнул по влажной коже, ушёл в пол и выбил автомат в соседнем щите питания.

Чёрт. В помещении полно проводников. Ещё один такой подарок — и мы получим пожар быстрее, чем пространственный разрыв.

Я сменил форму. Лёд под первой тварью схватился в плотный гребень, не позволяя ей толкнуться задними конечностями. Узкая воздушная волна сместила голову второй к краю шкафа. Затем каменный блок ударил сверху.

Щит корпуса не выдержал. Но обе твари оказались зажаты между искорёженным металлом и моей преградой.

Источник всё ещё был почти полон. Вот уж порадовали меня результаты последнего повышения. На таком запасе можно было работать дольше целого отделения магов второго ранга. Только рука за десять секунд успела заболеть сильнее, чем за всё утро.

В первом бою у разлома меня спасали хорошие военные. Здесь военных не было. Зато присутствовало оборудование на несколько миллионов рублей, которое очень не хотелось превращать в памятник собственному таланту.

В коридоре закричали.

Я повернул голову. С противоположного конца лаборатории, из вентиляционной решётки, выползло маленькое существо с узкой пастью. Значит, разрыв открывался не только в шкафу. Или одна из тварей уже успела протиснуться в технические каналы.

— Коридор! — крикнул я в связь.

Один из охранников ответил двумя короткими выстрелами магического карабина. Потом в рации захрипело.

Я оттолкнул решётку воздушным импульсом, перекрыв выход, и шагнул к двери. Колено дёрнулось болью. Прекрасно. Только этого не хватало.

В коридоре охранник лежал у стены. Его напарник удерживал щит, пока маленькая тварь била в него длинными передними лапами. За существом, у самого потолка, расползался второй просвет — почти незаметный, как потемнение на стекле.

— Назад, за угол! — приказал я.

Охранник отступил, таща раненого за бронежилет. Я направил струю воды под потолок и тут же заморозил её, создавая широкую пробку. Существо прыгнуло, врезалось в ледяной край, потеряло равновесие. Следующий удар разрезал ему позвоночный хребет.

Оно упало на пол и продолжило дёргаться. Неприятная живучесть. Добил второй техникой, коротко и без лишних затрат.

— Раненому помощь. Вызвать аварийную группу и военных. Никому не входить в корпус без экранирования.

Охранник кивнул. Его напарник стонал, но был в сознании. Я убедился, что рана не задела шею, и вернулся в лабораторию.

Здесь первая тварь уже продавила каменный край. Её пасть раскрылась на две стороны, обнажая влажные кольца зубов. Из чёрного просвета тянулся низкий звук, скорее ощущаемый позвоночником, чем ушами.

Я вспомнил Ладогу. И Пастуха. Там тоже были звуки, после которых звери начинали вести себя слишком согласованно.

Только здесь источник звука был маленьким, искусственным и установленным в приборе, который кто-то назвал безопасным демпфером.

— Ну здравствуй, чужая инженерная мысль, — пробормотал я. — Давно хотел посмотреть, до чего доводит людей желание заработать на том, что не понимают.

Шкаф начал деформироваться наружу. Я не стал держать его целиком. Выстроил три узкие каменные опоры вокруг просвета, затем направил холод между ними. Лёд схватил выступающие конечности. Огненная полоса прошла по их основанию, заставляя тварей отдёрнуться. В образовавшуюся паузу я перевернул внешний стол и сбил на него тяжёлую защитную плиту с потолочной направляющей.

Разрыв дрогнул. В шкафу хрустнуло, будто кто-то ломал кость очень большого животного. Потом чёрная полоса схлопнулась. Оба существа остались по эту сторону, но больше не могли опираться на проход. Одно я пробил ледяным копьём в голову. Второе пыталось ползти даже после потери передних конечностей; каменная плита опустилась на него с глухим ударом.

Тишина наступила внезапно.

Я постоял несколько секунд, проверяя, не открывается ли где-нибудь новая пасть. Источник ещё держал существенный запас. Пальцы правой руки заметно подрагивали. Колено не желало переносить вес.

Красота. Теперь бы убедить медицинскую службу, что заводское оборудование само виновато в моём нарушении режима.

Военные ещё занимались лабораторией, когда на улице прозвучала сирена второго уровня. Сначала я решил, что служба безопасности перепутала сигналы. Затем в рации заговорил Тихий:

— Северный корпус. Что-то вышло из технического колодца возле подстанции. Двое охранников удерживают территорию. Мелкая тварь, очень быстрая.

— Не подпускать к кабелям. Я иду.

— У тебя рука...

— Знаю. Рассказали вчера.

Я вышел через служебную дверь. На улице моросил дождь. За защитной сеткой подстанции металось длинное существо размером с крупную собаку, только лап у него было вдвое больше, а голова состояла, кажется, из одной пасти. Оно выбрасывало вперёд тонкие нити, цеплялось ими за землю и мгновенно меняло направление.

Охранник пытался удержать его огненной дугой, но зверь проскальзывал под ударом. Второй уже поднял щит перед входом в подстанцию. Они действовали неплохо, просто существо не собиралось учитывать их усилия.

— Отведите людей дальше! — крикнул я.

Тварь повернула голову, развернулась и прыгнула ко мне. Я выставил низкую ледяную пластину. Существо перепрыгнуло её. Именно этого я и ждал. Из асфальта поднялся короткий каменный выступ, сбив одну из задних лап. Зверь перекувырнулся, ударился боком о сетку. В тот же миг узкий водяной поток связал ему передние конечности, замёрз и стянул суставы.

Секунда. Потом ещё одна. Тварь вывернулась так, будто у неё вообще не было костей. Лёд треснул.

— Блядь, — сообщил я местной фауне. — У тебя что, суставы съёмные?

Она почти выскочила из ловушки. Я не стал удерживать прежнюю форму. Каменная плита ударила сверху, прижимая к земле. Затем короткая электрическая дуга прошла между уже намокшими конечностями. Тело дёрнулось, застыло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.